

АНАЙКТ

Алиса Чалис

ма
ра
ку
йя

Фэнтези

Алиса Чалис

Аддикт

Издательство «Детская литература»

2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чалис А.

Аддикт / А. Чалис — Издательство «Детская литература»,
2024 — (Фэнтези)

ISBN 978-5-08-007204-8

Москва – огромный город. Город безграничной свободы. Город, где можно потерять себя, заразиться и превратиться в монстра. Задача сотрудников организации «Око» – вовремя найти зараженного аддикцией человека. Юная охотница вместе с напарником Борисом отправляются на задание низкой опасности, но на месте натыкаются на монстра. Вопреки здравому смыслу и правилам девушка не уничтожает его, а исцеляет. К чему приведет такой поступок? Чем он грозит Лиле, ее коллегам, организации и всему городу?

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-007204-8

© Чалис А., 2024
© Издательство «Детская
литература», 2024

Содержание

Пролог	6
Глава первая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Алиса Чалис
Аддикт

Литературный редактор Надежда Надеждкина
Иллюстрация на обложке Бориса Гроха

© А. Чалис, текст, иллюстрации, 2018
© Издание на русском языке, оформление. АО «Издательство «Детская литература»,
2024

Пролог

I

Девушка в длинном черном пальто высматривала следы на тропе, тянувшейся вдоль холмистого берега реки. Извилистая дорожка уводила странницу все глубже в парк, раскинувшийся в центре шумного мегаполиса.

За очередным поворотом дорога резко уходила вверх. Крутой подъем густо зарос деревьями. Кроны вековых дубов плотно переплелись, словно купол, и почти не пропускали свет осеннего солнца. Терпкий запах сырой земли ударил в нос. Холм напоминал иной мир, куда не долетали ни гул машин с близлежащего шоссе, ни голоса людей, ни грохотание техники с раскинувшейся рядом стройки.

Только недостроенная бетонная башня, возвышавшаяся уродливым сломанным зубом, напоминала, что тишина не вечна. Скоро большую часть парка сровняют с землей, и возведут на его месте аттракционы и торговые центры. Сколько ни протестовали горожане – строительство шло полным ходом.

Однокой страннице не было до этого дела. Глаза девушки едва заметно сверкнули во мраке. Она опустила взгляд и ускорила шаг, высматривая что-то на земле, а затем уверенно сошла с тропы и продолжила путь по палой листве.

На груди девушки поблескивал начищенный значок с гравировкой: круг, вписанный в продолговатый овал. Стилизованный глаз. Черными буквами по канту была выбита едва различимая надпись: *tu ne cede malis, sed contra audentior ito¹* и выше номер и имя: Ильина Елизавета.

Лиза.

Лиза застыла и медленно подняла голову. На юное лицо упала едва заметная тень, искашившая тонкие черты. В прищуренных глазах блеснул азарт. Девушка посмотрела на усадьбу, стоявшую на вершине холма.

Одноэтажный особняк с мезонином и пристройкой зловеще сгорбился на фоне свинцового неба. Сад, разбитый перед парадным входом, давно пришел в запустение и зарос тонкой посеревшей травой. Наполовину скрылся в буряне даже окружавший усадьбу кованый забор. Прутья давно не красили, не чистили от завядших выонков, но единственные ворота заперли на цепь.

Значит, там...

Лиза на секунду застыла перед воротами – замок на цепи совсем новенький, блестящий.
Но откуда?

Нахмутившись, Лиза протиснулась в щель между створками и вернулась на след. Девушка медленно шла по заросшей тропе, пока не остановилась перед ступенями крыльца. Усадьба нависла над ней как потревоженный монстр. Охотница внимательно рассмотрела особняк.

Краска на фасаде облупилась, повисла лоскутами. Покосилось полусгнившее крыльцо. Разбухшие ставни едва держались на проржавевших петлях и давно не закрывались. Окна, покрытые многолетним слоем грязи, походили на пораженные катарктой глаза старика. Казалось, дом слепо уставился на пришeliцу, посмевшую потревожить его многовековой покой.

¹ Не поддавайся злу, а смело выступай против него.

Охотница лишь дернула плечами и ринулась вперед. Перескакивая через несколько ступенек, девушка начертила в воздухе символ. Дверь распахнулась, как от удара ногой.

Вместе с Лизой в гостиную ворвался тусклый свет осеннего солнца и запах сырой земли.

Дом ощерился на незваную гостью: тяжело заскрипели деревянные перекрытия. Из глубины черного коридора удушливо пахнуло гнилью. Лиза усмехнулась и быстрым движением нашупала в кармане плаща фонарик.

– Я знаю, ты здесь...

Луч скользил по стенам, потолку, полу. В дальнем углу комнаты несколько досок обшивки отошли от стены, отбрасывая в свете фонаря гротескные тени. Казалось, длинные костлявые пальцы тянулись к полам черного пальто охотницы.

Не обращая внимания на игру света, Лиза твердым шагом направилась вглубь коридоров. Тьма дрожала, забивалась в дыры, следила за девушкой сотнями глаз из каждой щели.

Охотница кружила по первому этажу, нарочито громко стучала каблуками. Дом задрожал. В коридорах послышался сдавленный стон. Чудилось, что стонали сами стены. Девушка лишь крепче сжалась фонарь, так, что костяшки побелели, и продолжила поиски. Но в пятно света попадала лишь мебель в выцветших чехлах, паутина и плесневые разводы. В сквозняке за спальней слышался едва различимый шепот. Лиза резко развернулась и направила фонарь на пустой дверной проем.

– Где же ты? Давай! – рявкнула охотница.

Дом застыл. Голос утонул в пыльном смрадном мраке.

– Еще ни один монстр от меня не уходил. С чего взял, что ты сможешь?

Лиза отчетливо слышала тяжелое дыхание, едва различимое эхо шагов. Совсем рядом с собой. Ощущала, как из тени к ее шее тянутся когти монстра. Холодные. Цепкие. Они застыли в миллиметре от горла девушки, не решаясь схватить.

Охотницу била легкая дрожь. Темные волосы прилипли ко лбу. Луч фонаря нервно прыгал то по стенам, то по потолку, вновь и вновь высвечивая одни и те же темные углы. Пусто... пусто, пусто!

Пятно света остановилось на листьях у ступеней лестницы, ведущей на второй этаж. *Листья свежие, желтые, со следами подошвы.* Глаза охотницы расширились, в них заплясали безумные искорки. Зловещая ухмылка исказила лицо. Лиза знала: там наверху лишь небольшая комната с витражным окном – ни форточки, ни выхода на крышу. Идеальная ловушка.

Отшвырнув фонарь, охотница достала пистолет и, предвкушая скорую развязку, кинулась наверх.

С улицы особняк не казался настолько высоким, но теперь Лиза смотрела на длинную, тонущую во тьме лестницу. Прогнившие ступени опасно прогибались, извивались, норовя высокользнуть из-под ног. Охотница крепко цеплялась за перила, окутанные паутиной, и упорно шла вперед. Там, на площадке антресольного этажа, ждало оно... Лиза слышала его хриплое дыхание. Видела, как исполинская тень вздымалась до самой крыши, нетерпеливо царапая когтями стены, разевая смрадную пасть...

Лиза с криком выпрыгнула на площадку, направила пистолет в вязкую, как гудрон, тьму и... услышала тихий звон. Воздух перед ней задрожал, покрылся трещинами. Нечто подалось вперед из тьмы. Налитые кровью глаза уставились на Лизу сквозь паутину трещин.

Ее глаза.

Охотница испуганно отшатнулась, но было поздно. Пространство лопнуло. Осколки градом обрушились на Лизу. Они проникали под кожу. Заполняли легкие при каждом вдохе. Вместо крови по телу растекалась чернильная жижа...

Мрак разрезал нестерпимый поток света. Казалось, что разом включили сотню софитов. Охотница слепо озиралась, пытаясь закрыть лицо, но поток прожигал израненные руки

насквозь. Лиза попятилась, но успела сделать лишь несколько шагов, прежде чем ноги подкосились и она беззвучно рухнула на пол.

Жар усиливался.

– Кто это?! – завопила Лиза. – Кто ты?!

Жжение стало нестерпимым. Лиза взревела, схватилась за голову. Она пыталась вытащить из себя осколки, но лишь полосowała лицо и выдирала пряди волос. Бедняжку тряслось как в лихорадке. На месте порезов кожа мгновенно серела, иссыхала, плотно облегала тонкие кости. Кончики пальцев вытянулись, заострились, покрываясь роговым наростом. Одним движением Лиза рванула уголок рта, и тот разъехался, как у порванной тряпичной куклы, обнажая заострившиеся зубы.

– На этом все! Заканчиваем! – раздалсяластный женский голос. Где-то щелкнул рубильник.

Сияние софитов усилилось. Воздух раскалился. Тело Лизы покрылось пульсирующими волдырями. Осыпавшиеся волосы и повисшая мешком одежда вспыхнули. Нечто, что еще недавно было Лизой, завизжало. Волдыри лопались, но вместо ран зияли чернотой сочащиеся язвы.

Вспышка.

Тело Лизы превратилось в уродливую угольную «статую». В потоке света черный силуэт сжимался, пока не стал чуть больше булыжника. Границы обрели твердость, на неровной поверхности появились блики.

Софиты погасли.

II

Москва

Октябрь, 2012 год

Свет проникал в бывшую библиотеку через витражное окно. Пестрые блики раскрашивали старые стены во все цвета радуги. Даже затхлый запах почти не доносился с первого этажа. В этой комнате, под самой крышей, за нагромождениями ламп одновременно выдохнули четверо парней и три девушки. Всем, кроме одной, было около двадцати. Все в одинаковых серых спортивных костюмах с бирюзовой нашивкой на груди – таким же схематичным глазом, что был на значке Лизы, и в странного вида очках. Вместо стекол в оправе были тонкие непрозрачные куски кристаллов, отполированные до блеска. Очень походившие на тот камень, который еще недавно был Лизой. Все студенты, кроме младшей из них, поспешили снять странный прибор с лиц и выдохнуть. Ребята слепо озирались, протирали глаза, приходя в себя от увиденного. Один из парней, худощавый юноша, побледнел, прижал руку ко рту, и тихо сопя, побрел на полусогнутых ногах поближе к стене. Остальные чувствовали себя не настолько плохо, но никто не решался заговорить. Лишь самая младшая из них, субтильная светловолосая девушка, стоявшая поодаль от однокурсников, медленно сняла очки, не сводя взгляда с темных стекол.

Студенты невольно косились на испещренный рисунками пол: над камнем – Лизой – уже витала сизая дымка. Нарушил тишину один из ребят: он запнулся о ножку софита и чуть не уронил его.

– Марк, осторожнее с оборудованием, – в центр комнаты вышла женщина лет пятидесяти в серой твидовой тройке. На ее груди блестел серебряный значок. Арина Валерьевна уже давно обучала новичков в организации «Око». Она привычным жестом разогнала дымку и спросила:

– Есть идеи, что же вы сейчас наблюдали?

Никто не шелохнулся. Впрочем, неудивительно.

Тогда Арина вытащила из кармана перчатки и начала медленно надевать, осматривая студентов. Что-то ей подсказывало, что с группой все будет не так просто – ребята нелепо хлопали глазами, один вообще стоял еле живой у стены, борясь с приступом тошноты. Девочки постарше потупились, то и дело поглядывая друг на друга, будто боялись ответить, что уж говорить про младшую?

Задание было действительно сложным, но женщина твердо верила, что раз молодые люди решили бороться с монстрами, то лучше сразу посмотреть, с чем придется иметь дело. Заодно проверить, как поведут себя будущие оперативники. Уже который год первокурсники, закончив базовую теорию, отправлялись на «последнюю охоту Лизы».

Преподавательница подняла камень и показала студентам.

– Так как ваши силы еще не раскрылись полностью, мы используем визоры. С их помощью вы наблюдали очень редкое явление: аддиктивный фантом. Призрак живого человека.

– В смысле… живого? – перебил преподавательницу молодой человек. Руслан. Он был выше всех на голову. Парень нелепо почесал голову и нахмурился.

Арина кивнула, хотя была явно недовольна, что ее прервали:

– Это все, что осталось от оперативника Елизаветы Ильиной. Психокинетический след – обрывки памяти и эмоций запечатаны здесь. Во время стадии кризиса, – Арина обвела взглядом группу, пытаясь понять, помнят ли они термин, и, не заметив реакции, решила уточнить, – превращения в монстра – у Лизы остановилось сердце. Только это спасло ее коллег. Оперативники сняли копию ауры, в лаборатории запечатали в особом кристалле. Фантом «запрограммирован» вечно повторять свой цикл: начало охоты, последние минуты перед превращением и агония трансформации. Несколько часов на перезарядку, и цикл можно повторять. Последние секунды слишком тяжелое зрелище, так что мы запечатываем призрак заранее.

Самая младшая девушка нервно сглотнула и опустила взгляд на свои руки. Арина едва заметно нахмурилась, но все же продолжила:

– Не беспокойтесь, явление настолько редкое, что, возможно, вы видели его первый и последний раз в жизни. Можете подойти поближе посмотреть. Кто смелый?

Ребята замялись, с опаской поглядывая на камень. Даже Руслан осторожно отступил назад.

– О, какие нас охотники ждут. Храбрецы. Ну что, совсем никто?

Одна рука взметнулась вверх. Арина Валерьевна поджала губы. Впрочем, она часто так делала, как только в поле зрения попадала самая младшая из группы – Лилия Цветкова. Арина не питала какой-то особой нелюбви к девочке, просто придерживалась постулата «всему свое время», а вчерашней школьнице нечего было делать среди будущих оперативников. Преподавательница попыталась встретиться взглядом с Викторией или Екатериной, которые подавали хоть какую-то надежду среди одногруппников, но обе отвернулись.

– Хорошо. Идите сюда, Лилия, – сдалась женщина, проследив, как вперед подалась невысокая девушка с короткими светлыми волосами, заколотыми на макушке розовой заколкой.

Лиля подошла ближе и с интересом посмотрела на камень огромными серыми глазами. Одежда мешковато висела на щуплой фигуре. В лице все еще отчетливо проглядывали детские черты: чуть пухлые губы, округлые щеки, вздернутый носик и брови, будто застывшие в вечном удивлении.

Такая маленькая, хрупкая, ей едва исполнилось шестнадцать… Ну что ей делать среди оперативников? Да и как вообще такой ребенок справится с материалами, которые едва осиливали студенты?

Вербовщики «Ока» в поисках кадров не зря обходили стороной школы. Охотники должны обладать склонностью к эмпатии, без чуткости к эмоциям просто нельзя овладеть некоторыми дисциплинами. Школьники с неустоявшейся психикой редкоправлялись с таким даром. Сама же Арина Валерьевна считала, что будущему охотнику неплохо иметь хоть какую-

то специальность, даже неоконченную. Во-первых, это показывало, что человек вообще обу-чаем. Во-вторых, если карьера охотника не сложится, бедняга не останется у разбитого корыта. А в личном деле Лилии значился только аттестат за девять классов средней школы. Талантами девочка пока не блистала. Но на нее вышли, завербовали и впихнули на первый курс уже после начала учебного года.

Арина предлагала перевести девочку в обычный вуз, дать ей немного времени, но руководство не согласилось. Остальные педагоги оказались не так принципиальны, и Арина в одиночестве направилась к начальнику учебной части. Но Андрей Андреевич Смирнов считал, что «Лиля прекрасно со всем справится». Его пренебрежение задело гордость преподавательницы, и тогда она решилась на крайние меры. Арина Валерьевна написала обстоятельное письмо высшему руководству, поставив ультиматум: или она преподает в группе без Лилии, или пусть ищут другого педагога. Женщина подчеркнула, что не желает наблюдать за нервным срывом у ребенка. Арина отправила письмо как раз перед началом занятия. Вопрос был практически закрыт, по крайней мере так она думала…

Лиля осторожно протянула руки и тихо спросила:

– Можно?

Арина даже не заметила, как камень оказался у школьницы. Она настороженно смотрела на поверхность кристалла – тот спокойно лежал в ее руках, а девушка осторожно провела пальцами по шероховатой поверхности. Словно гладила?

В центре камня вспыхнули багровые прожилки. Арина сделала шаг вперед, но Лиля резко отдернула руку.

Не от страха.

На секунду показалось, будто камень раздражало, что к нему прикасались. Всполохи исчезли. Лиля подняла взгляд на преподавательницу – это правда?

Женщина еле заметно кивнула.

Осмелевшие студенты вышли из «укрытия» и поспешили к школьнице.

– Дай-ка, – курчавый молодой человек в очках, Саша, подлетел первый. В его глазах виднелся неподдельный интерес. Парень бесцеремонно забрал кристалл и оттеснил Лилю.

– Это невероятно, оно меняет цвет…

– Подождите, не стоит… – начала было Лиля, но никто уже ее не слушал.

Студенты спешно окружили Александра.

– Саш, вообще-то камень дали Цветковой… – начала было Катя Свиридова. Поправив длинные волосы, заплетенные в тугую косу, студентка уверенно подошла к однокурснику. Она потянулась было за кристаллом, но камень легко перехватил Руслан и победно поднял над головой. Кате оставалось лишь буравить парня гневным взглядом, а Руслан же приложил краснеющий кристалл к уху, как морскую раковину, и радостно выдал:

– Ого! Да оно в бешенстве!

Вика, стоявшая поодаль, подскочила к Кате и забормотала в ужасе:

– Не трогай. Это аддикт типа А – Амок, неконтролируемый гнев. Они очень опасны!

Через мгновение Руслан вскрикнул, выронив раскалившись кристалл. Тот выдержал падение и покатился к ногам Лилии.

– Цветкова, не… – начала было Арина Валерьевна, боясь, что девочка непременно вцепится в «опасную штуку». Лиля действительно поспешила поднять пылающий жаром кристалл. Арина, которая уже схватилась за телефон, застыла, не веря своим глазам: камень спокойно лежал в руке студентки и та даже не морщилась. К Лиле поспешил подойти Саша. Он смотрел на камень со смесью интереса и тревоги.

– Такой цвет… – парень замялся, не зная, какой синоним подобрать, – яростный, что ли? Никогда не видел. Так Лиза – охотница за аддиктами – сама стала аддиктом? Разве такое возможно?

Парень посмотрел на преподавательницу, но та молчала, не сводя взгляда с Лилии. Не дождавшись ответа, Саша перевел взгляд на Вику. Черноволосая девушка в очках замялась и выжидающе взиралась на преподавательницу.

– Что скажете, Виктория? – подхватила Арина Валерьевна. – Что же вы наблюдали?

Поняв, что больше отмалчиваться не удастся, Вика, помявшись, начала:

– Аддикция – болезнь, которая может проснуться в любом человеке. Черти живут в каждом омуте, даже если их не видно. Однако стоит ослабить хватку, и беды не миновать. Первая стадия – аддикт. Хоть аддиктов и разделяют на несколько типов, но в целом это одержимость. Подчинение доминирующей страсти. Помутнение рассудка, неспособность критически мыслить. Лиза охотилась за монстром, которого видела только она. Болезнь может развиваться годами или поглотить за несколько часов. Первоочередная задача охотников – найти аддикта и исцелить, избавить от одержимости.

Арина Валерьевна подошла к стене, где среди чехлов для оборудования был небольшой чемоданчик. Женщина взяла его, водрузила на широкие перила лестницы и легко открыла – это оказался футляр с выемкой для кристалла.

– А если этого не произойдет? – сухо спросила преподавательница и, не оборачиваясь, добавила: – Что тогда случится, Екатерина Свиридова?

– Если этого не случится, то наступает вторая стадия, – пробормотала Катя. – Мори. Во время ее происходит обращение аддикта в монстра. Само превращение называют «кризалис». Ну, как «куколка»…

Арина кивнула.

– Мори – это вот та тварь с когтями, – подал голос тихий парень, Сережа, который так и не отошел от стены. – Оно внутри кристалла, да?

– Нет… – возмутилась Лия, прикрывая камень, но затем смешалась, не зная, как объяснить свои слова. На помощь пришла преподавательница:

– Сущность внутри кристалла значительно сложнее, чем просто мори, – Арина Валерьевна осторожно забрала кристалл и поспешила к футляру, продолжая на ходу: – Охотники существуют для того, чтобы мори не появлялись. Но мори – лишь вторая стадия, и долго в ней не задерживаются. Есть третья. Как она называется, Виктория?

– Имаго? – неуверенно проговорила Вика.

– Можно сказать и так, – Арина вложила кристалл в футляр, закрыла крышку и начала ритмично защелкивать замки. – Более распространенный термин – ревенанты. Монстры, занявшие пустую человеческую оболочку. Опустевшую во время обращения в мори. Надеюсь, вы никогда с ревенантами не встретитесь.

– Запомните, – сухо продолжила преподавательница после короткой паузы, – это очень важно. История Лизы служит уроком всему «Оку». Надо быть внимательным не только к другим людям, но и к своим коллегам. И к самому себе. Жертву аддикции можно исцелить, лишь пока в ней есть хоть что-то человеческое. Ни мори, ни ревенанты уже не люди.

Ее слова прервал тихий стук – по перилам лестницы постучал мужчина. Лия, стоявшая ближе всех к лестнице, встрепенулась и с интересом рассмотрела незнакомца. У него было худое лицо с выраженными скулами, сизая тень от щетины на подбородке. Волосы темные, почти черные. Тяжелые брови, будто он все время хмурился. И конечно же, от ее взгляда не ускользнул значок на черной куртке.

Охотник. Настоящий оперативник!

– Арина Валерьевна, извините, что прерываю урок. Можно вас? – негромко спросил он.

Женщина кивнула и быстро вернула внимание студентов к себе. Всех, кроме Лили, не сводившей с неожиданного гостя взгляда.

— Так, у вас есть пятнадцать минут на заметки о последней охоте Лизы. Завтра у меня на столе должны лежать доклады по аддиктам, включающие все, что вы наблюдали. И соберите оборудование.

Женщина проследила, как студенты кинулись за сложенными в угол рюкзаками и сумками, и потихоньку улыбнулась: первокурсники еще так хорошо слушались. Она положила камень с фантомом в центр комнаты и отправилась вслед за мужчиной на первый этаж.

Впрочем, стоило шагам стихнуть, как студенты, перекрикивая друг друга, принялись обсуждать произошедшее. Мнения разделились. В общем гомоне громко прозвучал голос Руслана, который лениво облокотился на стену, перекидывая из руки в руку блокнот.

— Знаете, что я вам скажу? Фигня это все.

Один из парней, тихий Марк, который до этого старательно записывал все, что услышал на занятии, замер и с интересом посмотрел на Руслана. Как и Сережа. Руслан, почувствовав себя в центре внимания, продолжил:

— Валерьяна, устроила тут симуляцию по Кингу. Мне старшекурсники уже рассказали, что почти вся работа с детишками, — Руслан бросил красноречивый взгляд на Цветкову, которая неспешно ковырялась в сумке, — прийти вырубить, ну или вроде того, и исцелить. Делов на пять минут, вот есть у них отдел такой...

Никто не спорил с Русланом, и он принялся рассуждать, где же в «Оке» есть «настоящая работа». Старшие девочки и Саша молча ходили по комнате, копируя в блокнот рисунки с пола, а Лиля даже не слышала его рассуждений. История несчастной Лизы, конечно, произвела впечатление, но молчала бывшая школьница по другой причине. Ее выбило из колеи появление охотника. Она знала его. Но откуда?

Лиля потихоньку отошла от ребят и начала пробираться к лестнице. На пути оказались Катя и Вика: одногруппницы, отложив блокноты, пытались фотографировать на телефон начертанные на полу символы, но кадры все время смазывались.

— Эй, Цветочек, ты куда? — мягко спросила Вика, заметив попытку сбежать.

— Я... — замешкалась Лиля, лихорадочно придумывая оправдание. Многолетний опыт школы пришел на помощь: — Я выйти.

— А собирать кто все будет? — уточнил Руслан. Лиля замялась, но тут не выдержала Катя:

— Отстань от человека. Надо ей выйти, значит, надо. Я все уберу.

— Кать, ну я же пошутил, — Руслан оживился и подошел поближе. — Мужчины-то на что? Марк, Сереж, давайте быстро вон ту штуку тащите...

Лиля, обрадованная, что больше на нее не обращают внимания, поспешила вниз. Девушка не представляла, что скажет охотнику, но желание еще раз увидеть его лицо оказалось сильнее. Откуда она его знала? Словно из сна. Топот и голоса одногруппников остались за спиной и едва доносились до холла на первом этаже. Сквозь приоткрытую входную дверь Лиля отчетливо услышала голос Арины Валерьевны.

— ...Я слышала, что произошло...

Лиля, осторожно ступая по старым половицам, прошмыгнула за дверь и забилась в угол. Притаившись, девушка прислушалась — преподавательница и охотник стояли чуть поодаль, на крыльце, и порывы ветра то и дело заглушали разговор.

— ...А Константин? Есть какие-то новости? — голос Арины Валерьевны изменился — она говорила тише, мягче и с трудом скрывала волнение. Охотник молчал. Лиля вглядывалась в узкую щель между косяком и дверью.

— Понятно, — преподавательница сникла. — Эта его самоуверенность... Подпустил слишком близко? Ему ведь столько раз говорили... Впрочем... Ты же не за этим сюда приехал?

Охотник расстегнул куртку с косой молнией и достал конверт.

— Андрей Андреич передал. Просил, чтобы вы внимательнее смотрели на ящик для отправки писем.

Учительница поджала губы и забрала конверт.

– Она настолько безнадежна? – как бы между делом уточнил охотник и, застегнувшись, спрятал руки в карманы.

– Голова у нее варит, есть, как говорится, «чуйка», но дело не в этом. Андрей Андреевич, конечно, редко ошибается, но, Борис, ей только исполнилось шестнадцать! Я все понимаю, курс она пройдет, и что потом? Сможет ли гоняться за маньяками-убийцами? А если другого захочет, но поздно! И более того, – Арина замолчала и бросила взгляд на усадьбу. Лиля испуганно вжалась в стену. Сердце забилось быстрее.

– Я читала ее дело, она же… – голос женщины уже едва различался.

Лиля осторожно оттянула рукав толстовки и посмотрела на изуродованную кожу. Внешнюю сторону покрывали буро-фиолетовые пятна, а на внутренней, от локтя до запястья, тянулись четыре продольных шрама. Такие же были и на второй руке. Неужели из-за них?

Лиля со злостью дернула вниз рукав и сжала резинку на запястье – их не должны видеть! Никогда! Никто!

Тем временем голос преподавательницы стал громче:

– С тех пор как она подписала контракт, охотники не смогут ее проверить. А если будет…

– Как с Лизой?

– В нашей профессии случай с Лизой далеко не самый страшный. Никто не застрахован от аддикции, особенно подросток. Эмоциональная перегрузка, потрясение, влюбленность в конце концов! Мы же говорим о молодой, незрелой девушке. Если случится…

– Не случится, – резко перебил ее охотник.

– С чего вы взяли, Борис?

Лиля прильнула к проему, прикрыла рот, боясь шумно вздохнуть.

– Я…

Но слова охотника утонули в грохоте: по второму этажу прокатились лязг и крики.

– Марк, кретин! Ловите эти чертовы лампы!

Лиля дернулась и толкнула дверь. Хватило легкого касания, и петли протяжно заскрипели.

Охотник и Арина Валерьевна машинально обернулись, а Лиля, заливаясь краской, вышла из своего убежища.

– Что у вас там случилось? Все-таки уронили софиты? – сердито уточнила преподавательница. Девушка пожала плечами.

– Я сейчас договорю с Борисом Алексеевичем и вернусь к вам, – отрезала женщина.

– Х… хорошо, – пролепетала Лиля, опуская взгляд. Больше всего на свете ей хотелось развернуться и бегом кинуться к остальным, но…

– Лиля? Цветкова? – позвал мужчина, и девушка вздрогнула: перед глазами всплыла картина, которую она предпочла бы забыть. Обшарпанная палата. Решетки на окнах. Металлическая кровать. Двое мужчин в халатах.

Теперь Лиля вспомнила, где они с ним встречались раньше.

Охотник поманил школьницу, и та подошла, с трудом переставляя ватные ноги.

– Как самочувствие?

– О, у меня все хорошо, – начала Лиля, но заметила, что Арина Валерьевна нахмурилась. Девушка смущалась еще больше и выдала первое, что пришло в голову:

– Я, конечно, немного психанула в конце года, но сейчас уже все хорошо. Я в полнейшей норме, здравом уме, твердой памяти.

Девушка попыталась улыбнуться, но сникла, увидев удивленное лицо охотника. Он не ожидал таких слов. Лиля машинально прижала к себе руку. Конечно, мужчина знал, почему она оказалась в больнице, видел ее замотанные до локтей руки. «Психанула», что за чушь ляпнула?

– Вот как, – пробормотала преподавательница, вновь тяжело вздохнув. Борис отвел глаза, что-то обдумывая, а затем спросил:

– Не хочешь вернуться домой? В школу?

Лиля энергично замотала головой, скрывая накатившую панику. Неужели это конец? Ее выгонят прямо сейчас? Девушка сделала несколько глубоких вдохов.

– Да там фигня, – заметив неодобрительный взгляд Арины Валерьевны, Лиля одернула сама себя. – В школе не то что здесь… здесь все очень полезно и правильно.

Лиля вновь запнулась. Да что она несет? Будто озвучивала рекламу хлопьев для завтрака, но в голову не приходило ничего «своего», искреннего. Ее, наверное, уже считают настоящей тупицей! Студентке захотелось сжаться, натянуть капюшон спортивного костюма на голову и сбежать… но нельзя. Арина Валерьевна и так считала ее неуравновешенной девочкой, а после такого побега уж точно можно собирать вещи.

Она набралась смелости, выпрямила спину и выпалила:

– Я знаю, что я «глупая школьница». Так и есть, я младше всех в группе, на курсе, но… я могу решать за себя. И я хочу стать охотницей. Я делала очень плохие вещи в прошлом, совершила ошибку. Я хочу иной жизни. Хочу быть… нужной. И это нечестно – выгонять меня из-за возраста, из-за того, что я что-то там не смогу, ведь я даже не пробовала. Или…

Лиля с трудом слогнула и все же заставила себя произнести фразу ровно:

– Или из-за того, что несколько месяцев назад я совершила страшнейшую глупость в своей жизни. Если я завалю экзамены – пускай меня отчислят. Выставят на улицу. Я согласна. Значит, я действительно не подхожу, и это будет правильно. Но не так, не потому, что я…

– Тихо, – Борис выставил перед собой руку, останавливая девушку. – Тебя никто не выгоняет. Все хорошо.

Лиля показалось, что охотник едва заметно кивнул Арине Валерьевне, сжимающей конверт. Преподавательница сухо произнесла:

– Ладно. Но вы уверены?

– Это единственное, в чем я сейчас уверен, – хмуро ответил Борис. Преподавательница долго смотрела на него, словно о чем-то думала. Очень сложном. Важном. Наконец женщина сдалась и сложила конверт вдвое.

– Спасибо, – проговорил охотник, и почти в тот же момент в кармане куртки зазвонил мобильный. Он достал его, бросил быстрый взгляд на экран.

– Прошу прощения. Работа, – он хотел было развернуться, как застыл и перевел взгляд на Лилю. – Ну, учись, Цветкова. Увидимся.

Охотник быстро пошел к воротам, с кем-то разговаривая. Лиля восхищенно смотрела вслед оперативнику. Борис Алексеевич. Странно прозвучало. Всю жизнь она звала по имени-отчеству людей значительно старше себя, а мужчина выглядел лет на двадцать пять. Интересно, что он сказал учительнице? В чем он был уверен? Девушка задумалась и не заметила, как Арина Валерьевна направилась в дом, продолжая сминать конверт.

– Ну, чего стоишь? – окликнула преподавательница. – А ну марш к одногруппникам!

Глава первая

I

Москва

9 июня, 2017 год

Черная «киа» резко затормозила перед светофором. Лилю дернуло, и она выронила папку с бумагами, которые изучала. Документы выскальзывали из онемевших от холода пальцев, раздражая юную охотницу.

– Можно аккуратнее? – хмуро пробормотала девушка, но ответа не последовало.

Навигатор на приборной панели показывал плюс восемь, и это девятого июня! Лиля, справившись с бумагами, закинула их в бардачок. Не спрашивая разрешения, охотница включила печку, поспешно подняла ворот тонкой осенней куртки и съежилась. И чего она не подела что-нибудь теплое, например водолазку, под форменную рубашку? Охотница покосилась на напарника – его вот холод не беспокоил. *Наверное*. Лиля осторожно присмотрелась к нему.

Борис Алексеевич, Борис, бывший наставник, а теперь напарник Лили, был, пожалуй, слишком молчаливым. Охотник хмуро «сканировал» дорогу, о чем-то думая. И как же Цветкову подмывало о чем-нибудь его спросить.

Так и не придумав, что сказать, охотница отвернулась и уставилась в окно. Знакомые места. Старая стройка, замороженная пару лет назад. Технику вывезли, и из-за забора виднелся только остов так и недостроенной башни. Совсем рядом было здание, куда Лилю и ее курс вывозили на «последнюю охоту Лизы». Как давно это было? Лет пять назад… За это время черты Лили хоть и потеряли детскость, но из-за больших глаз и приподнятых бровей казалось, что девушка смотрит на мир со смесью восторга и удивления. Вдобавок субтильное телосложение, низкий рост и светлые волосы. Первое время в отделе все принимали Лилю за студентку и пытались выяснить, почему она не на занятиях в учебном центре. Не прибавляло Лиле серьезности в глазах окружающих и то, что в одежде то и дело проглядывало что-нибудь неподходящее к строгой форме: охотница забывала то снять яркий браслет, то поменять сережки с розочками, а в это утро, не глядя, собрала волосы розовой резинкой с «хеллоу китти». Это повеселило напарника, но хорошее настроение быстро исчезло.

До Лили только сейчас дошло: мужчина молчал с того момента, как они сели в машину. Конечно, Борис предпочитал говорить немного и по делу, а если и выдавал монологи, то с таким высокомерно-скучающим видом, будто снизошел до собеседника и разъясняет элементарные вещи. Сейчас же в машине повисла напряженная тишина, будто напарник вот-вот разразится тирадой. Это пугало.

– Борь, ты чего? – Лиля с опаской посмотрела на мужчину.

– Цветкова, я понял, что-то не так, еще когда ты прилетела в кабинет с идиотской улыбкой, – как только светофор переключился на зеленый, Борис резко тронулся с места, будто боялся потерять из виду машину, что ехала перед ними: – Запиши: черная «Тойота», номер У 588 МУ, странная аура. Проверить.

Лиля послушно занесла данные в блокнот. Где-то в душе еще теплилась надежда, что угрюмость напарника не связана с заданием, которое она выпросила без его ведома.

– Какого ты вообще это сделала?

Да, зная Борю, не стоило на это рассчитывать. Лиля вообще не представляла, чтобы напарник мог впасть в приступ беспричинной меланхолии. Борис в глазах неопытной Лили

получил ореол «таинственного героя без страха и упрека», и меньше всего она хотела разочаровать напарника. Впрочем, это не мешало молодой охотнице дерзить или спорить.

– Ты сам просил отнести отчеты. Я зашла в кабинет к Сергею Игоревичу, а там новенький из архива это дело обсуждал, ну, слово за слово, –莉莉 ощущала, как горели уши. Ну почему она просто не положила бумаги и не ушла? Почему открыла рот? Чувство вины охватывало Лию, и девушка выпалила:

– Я думала, что ты порадуешься, а то последнее время мы на задание едем дольше, чем работаем. Отчеты уже можно строчить с закрытыми глазами. И их пишу я...

– Знаешь, сколько я их в свое время накатал? – перебил ее Борис. – Ладно, что там по делу?

– Желтый уровень опасности, парень – аддикт, год назад окончил вуз, неудачно влюбился, и завертелось. Сейчас фрилансит, живет в квартире покойной бабушки, сливает деньги на игру «Танки». Судя по всему, он уже перешел на стадию, когда аддикт подпитывается исключительно окружающими. Парень перестал выходить из квартиры, резко прерывает все попытки выйти на контакт. Как-то так.

– Это все?

Борис маневрировал на дороге с поразительной легкостью, стараясь как можно скорее добраться до места, но у моста они все же встали в пробку.

– Еще его зовут Дмитрий Царев, и... обнаружили аддикцию поздно, –莉莉 замялась и замолчала. Именно из-за этого обстоятельства заданию и выдали повышенный уровень сложности. Даже аналитик, который принес дело, говорил об этом с опасением.

Красноречивый взгляд, которым одарил ее напарник, не сулил ничего хорошего. На мгновение莉莉 почувствовала себя ребенком, гордящимся выходкой до тех пор, пока не пришел папа и не надавал по заднице.

– Цветкова, что такое «желтый уровень»?

– В каком смысле?

– В прямом, – Борис явно пытался натолкнуть напарницу на какую-то мысль, но莉莉 упорно не понимала намеков. Вздохнув, охотник продолжил:

– Хорошо, давай зайдем с другого края. Почему дела маркируют по-разному? Зеленый, желтый, оранжевый, красный.

– Ну... – к сожалению, цитата из учебника не пришла на ум. – Если простыми словами, то сложность зависит от запущенности аддикции у человека. Насколько он опасен для себя и окружающих. Желтый обычно означает, что стадия довольно поздняя и человек будет вести себя неадекватно. Проявить осторожность, при первой возможности обездвижить.

– Понятно. То есть ты даже не представляешь, что именно там на самом деле может быть, да?

– Я много читала...

– Молодец! – Борис уже не скрывал сарказма. – Когда нам попытается оторвать головы спящий маньяк, я буду знать, что ты хотя бы читала.

Вздохнув, охотник взял себя в руки и выдал один из длиннейших монологов, который莉ле приходилось от него слышать.

– Я не хочу сказать, что уровни опасности, которые присваивают заданиям, – это чушь. Но! Если речь идет о взрослых аддиктах, которых поздно нашли, всегда происходит... какая-нибудь хрень. То, что делу присвоили желтый уровень и разрешили нам ехать вдвоем, не повод радоваться. Да еще и умалчивать какие-либо детали. Молодые охотники пару лет занимаются подростками. И это нормально. Никто, не доучившись, не пытается разбираться с редким аддиктом, которого хрена вылечишь, не лезет на мори. А ты вместо того, чтобы посоветоваться, подумать, пошла и схватила «кота в мешке». Хорошо хоть от Игорича. Есть надежда, что там не полный...

Лиля хотела возразить, но напарник не дал:

– Не смей. Или мы разворачиваемся, едем в отделение и отдаём задание. Там как раз Валер, всякая непонятная нечисть это по его части.

Лиля шумно выдохнула и, чтобы успокоиться, начала перебирать пряди в пушистом хвостике. В голове вертелись лишь слова напарника.

– Думаешь, там может быть настоящий мори? – брякнула Лиля с приыханием.

Борис бросил на девушку немного странный взгляд, который можно было принять за удивление и за легкую тревогу. Помедлив, напарник все же ответил:

– Нет.

– А ты мори видел?

– Видел.

– А они правда такие жуткие, как в учебниках?

– Цветкова... Если хочешь потрындеть, то давай на другую тему, – голос Бориса прозвучал слишком резко. – К чему ты вообще это спросила?

– Да так, подумалось. Их правда нельзя вылечить?

Вместо ответа Борис отвернулся и тяжело вздохнул. Похоже, лимит общения на сегодня был исчерпан. В машине повисла тишина, прерываемая только едва слышимой музыкой из колонок. Лиля начала было прислушиваться к знакомой мелодии, но не смогла, то и дело отвлекаясь на эмоциональные вспышки вокруг. В обычном состоянии Лиля не могла разглядеть ауры прямым взглядом, но все же боковым зрением, слева и справа, то и дело замечала разноцветные вспышки. Молодую охотницу поочередно накрывали злость, усталость, раздражение, от которых она изо всех сил старалась отгораживаться. Все эти огни напоминали мигающую китайскую гирлянду, от которой хотелось закрыться. И было бы гораздо проще, если бы Лиля не понимала, что напортачила. Охотники не ощущали эмоций своих коллег, но и без этого Цветкова прекрасно понимала, что Борис злился. А если напарник на что-нибудь злился, значит, еще неделю, если не больше, он будет ходить мрачнее тучи и пилить ее. Хотя Лиля и без этого уже чувствовала себя виноватой. Гадкое, ноющее ощущение хотелось поскорее приглушить. Девушка закусила губу и решилась пойти на мировую – протянула напарнику мизинец.

– Прости, я больше не буду.

– Не будешь что? – Борис удивленно посмотрел на Лилю. Все это время он о чем-то размышлял, а не изображал безразличие.

– Не буду брать задания, не посоветовавшись. Мир?

Охотник безуспешно пытался скрыть улыбку.

– Какой же ты еще ребенок! Тебе бы на качелях качаться, мультики смотреть...

Серебров все же сцепил свой мизинец с пальцем девушки. Не будь они в машине, Борис почувствовал бы себя крайне неловко. Лиля сразу же просияла.

– Только без стишков про обезьянку, хорошо?

– Я все равно его не помню, – соврала Лиля, улыбнувшись и, как положено, встряхнула мизинцы трижды. После нехитрого ритуала обоим стало легче.

Из колонок зазвучали едва различимые аккорды «Восьмиклассницы» Цоя: «...Мамина помада, сапоги старшей сестры. Мне легко с тобой, а ты гордишься мной. Ты любишь своих кукол и воздушные шары...».

Лиля ощущала, как на щеках появляется еле заметный румянец. В тот же миг Борис спешно убрал руку и отодвинулся, сосредоточившись на дороге. Лиля также убрала руку и отвернулась. Повисла странная тишина, совсем не такая, как прежде. Неловкая. Желая как можно скорее начать новую тему, девушка спросила первое, что пришло на ум:

– Долго еще?

– Минут пятнадцать, если повезет.

Борис сделал радио чуть громче и переключил песню.

Напарники добрались до места, когда уже стемнело. Машина остановилась возле последнего подъезда длинной кирпичной девятиэтажки, к которой вплотную пристроили парикмахерскую. Заведение, судя по выцветшим надписям, уже много лет не работало, даже решетки на окнах заржавели. Крыша пристройки доходила аккурат до балкона второго этажа, где жили либо смелые, либо беспечные люди: никаких решеток, замков. Кто угодно мог туда залезть. Лиля первая выскочила из машины.

– Да уж, Дороти, ты больше не в Канзасе, – пробормотала девушка, оглядываясь. Как странно: тихий, утопающий в зелени двор в центре мегаполиса! Дикие заросли кустов и деревьев, которые никогда не стригли. Панельная хрущевка напротив, звон трамвая с улицы. Дежавю накрыло Лилю. Здесь как дома. По спине пробежали мурашки, тишина двора пугала. Спальные районы вечерами заполнялись спешащими домой людьми, конечно, погода не для прогулок, но в соседних дворах кипела жизнь, а здесь лишь ржавые качели скрежетали от сильных порывов ветра. Фонари зажглись тусклым светом, моргая слепыми лампочками. Кроны тополей чернели на фоне серого неба, а ветви жалобно поскрипывали от веса листвы, готовые в любой момент переломиться. Да, охотники приехали куда надо. Отчаяние и безнадежность – верные спутники запущенной аддикции.

Борис одарил слишком шуструю напарницу хмурым взглядом, достал из бардачка документы и, выйдя из машины, всучил Цветковой. Лиля виновато потупилась и убрала бумаги во внутренний карман куртки.

Охотник быстро огляделся и скептично проговорил:

– Красота какая.

– Прям съемочная площадка для сериалов НТВ, – попыталась пошутить Лиля, но Борис уже перешел в «рабочий режим».

– Я иду первый, ты за мной. Как только аддикт откроет дверь, я припечатаю его к стене. Посмотрим, насколько все плохо, но думаю, обычный «целительный круг» подойдет. Рисуй прямо вокруг парня. Только быстро, и… Что ты делаешь?

Лиля удивленно уставилась на напарника – на рабочем мобильном виднелся загрузочный экран.

– Э? Упрощаю нам жизнь? Надо же проверить, не свинтил ли куда наш Дима.

Для охотников разработали приложение, помогающее выслеживать аддиктов в радиусе нескольких метров. Кто-то из охотников в шутку даже назвал его Addict Go².

– Я тебе говорил, что еще раз увижу это баловство – заберу телефон, – Борис уверенно пошел к подъезду. Мужчина на ходу разглядывал отпечатки ауры, и его глаза едва заметно поблескивали во тьме. Лиля не любила этот метод, в одном месте могло наложиться огромное количество сущностей. Они смазывались, теряли насыщенность цветов, и вычленять один подозрительного оттенка, что свойственен аддиктам, – мучение. Не каждый опытный оперативник быстроправлялся с этой задачей, но напарник упорно избегал новшества вроде приложений или гаджетов, считая, что техника совершенно ненадежна в вопросах с аддиктами. Лиля вздохнула и, спрятав телефон, пошла за охотником, но от замечания проснулась едва утихшая обида.

– Он дома, – Борис остановился у двери подъезда и кивнул в сторону того самого странного балкона. Прищурившись, девушка «перешла» на зрение охотника – мир вокруг подернулся серой пленкой, а в окне показались багровые всполохи. После вспышек гнева в московской пробке аура едва различалась.

– Спит, скорее всего. Идем. Технический код в деле указали?

Лиля кивнула.

² Созвучно названию игрового приложения Pokemon Go.

Напарники вошли в подъезд – в спертом воздухе смешались тошнотворные запахи старой свалки и общественного туалета. Единственная лампочка не горела, а до первых пролетов лестницы не доходил скопой уличный свет.

Доводчик на двери не сработал, и громкий металлический хлопок разлетелся по подъезду. Лиля испуганно замерла, радуясь, что в кромешной тьме не было видно, как густо покраснели щеки. Борис метнул на нее быстрый взгляд – его глаза сверкнули, он отвернулся и начал подниматься по лестнице.

В стенах протяжно завыли трубы. На секунду показалось, что во мраке обитает бесформенное нечто, изрыгающее смрад. Оно притаилось, следило миллионами невидимых глаз, готовясь в любой момент выпустить склизкие щупальца.

– Эманация ужаса, – сказал Борис, доставая фонарь – единственная разработка, от которой мужчина не отмахнулся. По щербатым ступеням скользнул розовый луч, от его вида сразу стало спокойнее.

– Ощущается отчетливо. Это не желтый уровень. Оранжевая ступень, даже красная…

– Ну да, – буркнула Лиля, понимая, к чему клонит напарник.

– Не «ну да», а прочувствуй. Это не воображение, а страх, который идет извне. Такое надо различать – может жизнь спасти.

Лиля ничего не ответила и, сосредоточившись, начала повторять про себя считалочку. Она придумала ее еще во время учебы, маленькая хитрость, чтобы сработал защитный знак.

Раз! Ты оградилась от всего.

Два! Тебя никто не тронет.

Три! Это просто эмоции.

Четыре! Тебе решать, бояться или нет.

Пять! Страх – это слабость. Пусть эта считалочка и не в рифму.

Вокруг охотницы вырос невидимый простому глазу пузырь – элементарная техника защиты приглянулась Лиле еще с первого курса.

– Сфера, – хмыкнул Борис. – Не стоит ее ставить, притупляет восприятие.

– Да, лучше пробираться сквозь этот «неописуемый ужас» напролом и вздрагивать от каждого скрипа, – пробормотала под нос Лиля. Борис проигнорировал ее слова и продолжил идти. Они прошли мимо неосвещенного открытого лифта с выжженными кнопками, разломанных почтовых ящиков и остановились на втором этаже. На площадке было всего три квартиры.

Смрад усилился.

– Тут кто-то с… умер? – выпалила Лиля, зажав нос. Борис же выставил дверь квартиры, где жил Дмитрий Царев, а затем луч скользнул выше.

– Смотри!

Лиля задрала голову и удивленно выдохнула, будто хотела присвистнуть. Девушка включила свой фонарик. Глаза не обманывали. В кругах света поблескивала серая паутина из тончайших нитей. Она тянулась от квартиры Димы, оплела потолок и доходила до соседей. У двери напротив набухшие нити алели и пульсировали.

– Подпитывается соседями. Вампирит, – пробормотала Лиля, проследив несколько паутинок, уходивших наверх.

– Здесь довампирился, – Борис подсветил угловую квартиру. От нее веяло холодом, а паутина вокруг посерела и болталась тряпкой.

Из-за соседской двери послышались шаги – кто-то прильнул к глазку. Борис убрал фонарик и начертил в воздухе знак. Замок щелкнул, и на лестничную площадку выглянула женщина лет тридцати. Она выглядела очень уставшей: бледная кожа, глубокие синие круги под красными глазами, наспех собранные в хвост волосы. Поверх спортивного костюма женщина накинула плед.

– Вы из полиции? – тихо спросила соседка.

Глаза Бориса вновь сверкнули.

– Из следственного отдела, лейтенант Серебров, – Борис быстро продемонстрировал ей значок, впрочем, женщина находилась в таком состоянии, что поверила бы кому угодно.

– Это вы вызывали полицию?

– Я, – кивнула женщина.

Подобная практика была обычной для «Ока». Аналитики собирали информацию из диспетчерских служб полиции, скорой, социальных и психологических служб. Лиля была уверена, что это далеко не все каналы, но ее мало интересовал этот вопрос.

– В соседней квартире происходило что-то странное? – спросила охотница.

– Странное, – женщина грустно усмехнулась. – Вы не чувствуете эту вонь? С тех пор как она появилась, в доме стали происходить… плохие вещи. Мы болеем уже… я не знаю, две недели? Три? Соседку, бабушку Марии Семеновну, похоронили на днях, а теперь наверху Анна Ивановна слегла. И все эта проклятая вонь. В квартире что-то есть. Дима хороший парень, но… в последнее время я его почти не видела. Раньше к нему заходили гости, мы с ним сталкивались у подъезда. Потом я стала видеть его реже. И никто уже не навещал. Недели две – тишина. И только усиливающийся смрад. Я утром не выдержала, позвонила. Вдруг он там… Ваши коллеги из полиции приезжали, побились с дверью, уехали. Вот теперь вы.

Из глубины квартиры раздался надрывный детский плач. Женщина вздрогнула, словно очнулась от сна, и удивленно посмотрела на охотников.

– Понятно, спасибо. До свидания, – попрощался мужчина, и соседка, кивнув, скрылась за дверью.

– Идем, – Борис зашагал вниз по лестнице, Лиля поспешила за ним.

– А как же аддикт? У меня всегда получается вскрывать двери.

– Не в этом дело, ее сейчас легко не откроешь, – мрачно отозвался мужчина, – докаркалась, Цветкова. Там либо уже *покойник*, либо парень вот-вот обратится.

Холод пробежался по спине Лили. С аддиктами она работала постоянно, но то, во что они обращаются, она видела только в учебных пособиях. Мори. Опытные охотники называли их «покойниками», но не только из-за ассоциаций с переводом – слово происходило от латинского «mors» – смерть. Во время этой фазы все человеческое умирало в аддикте, тело деформировалось, сознание затмевалось, а как считали некоторые, и вовсе уничтожалось. За несколько минут человек превращался в монстра, и Лиля никогда не слышала, чтобы хоть кто-то переживал трансформацию. Мори выглядели по-разному, но все были одержимы желанием убивать. Будто старались утащить на тот свет вместе с собой как можно больше жизней.

– Боря, ты уверен?

– Уверен. Цветкова, ты куда?

Охотница кинулась наверх и, достав мел, быстро начертила знак защиты на стене.

Напарники вернулись на улицу, вдыхая свежий вечерний воздух. Борис открыл дверцу машины, сел на переднее сиденье и начал звонить в отдел. Лиля же сканировала темный балкон.

– Ты в курсе, что нити можно оборвать, только устранив аддикцию? – уточнил мужчина, дожидаясь ответа в телефоне.

– Я хотела немного помочь. Если придется драться, то аддикт наверняка начнет поглощать больше энергии. А так хоть какая-то защита.

– Мы, а точнее, ты ни с кем драться не будешь, – после этих слов охотник прикрыл дверь автомобиля – дежурный аналитик в отделе снял трубку.

Лиля с трудом сдерживала накатившие эмоции. Не то чтобы ей так не терпелось впервые увидеть человека, которого нельзя спасти, но… то, как вел себя Борис, раздражало. Напарник относился к ней как к ребенку: и куда «неразумной дитяtkе» лезть на такое опасное дело? А ведь Лиля могла… *уже столько раз доказывала!*

А Борис вечно перестраховывался. С чего он взял, что там есть мори? Из-за запаха? Но ни в одном учебнике не писали, что мори должны так вонять!

Охотница вспомнилась женщина с ребенком и загробный холод из опасной квартиры. Сердце сжалось – пока они будут вызывать подмогу, разбираться, что же за существо по ту сторону двери, невинные люди пострадают. Старушку-соседку, не выдержавшую аддикта, никто не вернет. Лиля начала расхаживать перед машиной.

Взгляд охотницы скользнул к балкону. Стекло блеснуло? Налетевший порыв ветра ответил на вопрос – в открытом окне отражался свет фонаря.

– Борь, балкон не закрыт, – Лиля внимательно просчитывала путь: сначала на мусорный контейнер, затем на решетку окна парикмахерской, немного подтянуться и залезть по старой пожарной лестнице. За пару минут можно управиться. Борис проговорил что-то похожее на «и что?».

– Давай я проверю, мори это или нет. Вдруг сами справимся. По первому плану.

Лиля услышала, что Борис ответил «быстро!», и без задней мысли побежала к контейнеру. Но когда охотница уже выпрямилась посреди крыши и зашагала к балкону, напарник окликнул ее:

– Цветкова, совсем спятила?!

– Ты же был не против, – возмутилась Лиля, – проверю и доложу.

– Мне рапорт на тебя написать? – Борис с силой захлопнул машину и поспешил к пристройке. – Слезай живо! Наши уже едут.

Лиля не отреагировала. Борис понял, что никакими угрозами не заставит напарницу вернуться, и поспешил за ней.

Лиля подошла к балкону и открыла окно. На девушку пахнуло знакомым зловонием – оно легко пробивалось сквозь старую балконную дверь. Охотница просканировала непроглядную тьму: всполохи показались из правого угла. Совсем рядом. Свет ауры едва теплился. Дима лежал в нескольких метрах от нее, еле живой. Лиля перелезла на балкон, прижалась к стеклу и... расслышала слабый голос.

– Помогите.

– Он живой. Он человек! – воскликнула девушка.

Времени почти не осталось. Даже чтобы дождаться Бориса. А напарник точно попытается остановить, они начнут препираться, потеряют драгоценные секунды. Да пускай хоть десять рапортов накатает! Лиля кинулась вперед. Щелчок замка. Темнота за открытой дверью пахла смертью.

II

Лиля показалось, что она залезла не в квартиру, а на городскую свалку. Душную, темную, наглоухо закрытую от внешнего мира – охотница не закрыла балкон. Свет уличных фонарей почти не пробивался сквозь грязное окно. Тишина оглушала. От концентрированного смрада глаза заслезились, и охотница потеряла след. Она зажала нос и несколько раз глубоко вдохнула, отгоняя тошноту. Придя в себя, девушка быстро создала защитную сферу и достала фонарик. В свет попадал только мусор, который толстым слоем покрывал пол. Целлофан, разорванные пластиковые упаковки, картон, куски тряпок, гниющая еда. Мусорное море погребло под собой все, только посреди комнаты черным пятном вздыпался остов старого ободранного дивана с выпотрошенными поролоновыми подушками. Словно труп исполинского зверя. И везде, куда бы ни падал взгляд, поблескивали плотные нити паутины.

Настоящий кокон. Запертное пространство. Вот почему никто не смог вскрыть дверь. Но ее *впустили...*

– Дима?

Охотница с трудом сделала шаг в мусоре, но поскользнулась и в последнюю секунду зацепилась за край подоконника. Кучи с грохотом осипались, что-то упало на компьютер в глубине комнаты. Процессор с писком включился, и зажужжал кулер. Экран с приветствием ярко загорелся, ослепляя девушку. Охотница застыла, пытаясь прогнать точки, пляшущие перед глазами. Она же не сможет теперь отследить аддикта!

Но вдруг совсем рядом кто-то сдавленно всхлипнул. В свете от экрана проявился силуэт человека, забившегося в угол. Над его головой сконцентрировались бесчисленные нити. Аддикт дергался как в лихорадке; паутинки, не выдержав натяжения, лопались. Охотница навела луч фонаря на Диму. Она ожидала увидеть исхудавшего мужчину с потухшим взглядом, но в пятне света виднелось нечто, лишь отдаленно напоминавшее человека. Ожившая мумия с почерневшей ссохшейся кожей, плотно обтягивающей кости. На изуродованное лицо, покрытое иссиня-черными пятнами, падали тонкие поседевшие волосы.

– Помоги... те, – просипел аддикт. Он поднял голову и с мольбой в ярко-голубых испуганных глазах посмотрел на охотницу.

– Еда? У тебя есть еда?

Дима скорчился от боли, стиснул в худых пальцах края изношенной футболки и что-то невнятно забормотал. Дрожь усилилась, остатки нитей натянулись до предела.

От аддикта исходил первобытный ужас, пробиравший даже через защиту. Охотнице охватила паника – руки похолодели, пульс участился, отдаваясь эхом в ушах.

Бежать, бежать, бежать...

Но девушка не сдвинулась с места. Лиля хорошо помнила, зачем она здесь, чему ее учили. Аддикта нужно успокоить, но когда охотница сама оцепенела от ужаса, это сложно...

Лиля выставила вперед руку: на побелевших кончиках пальцев зажглись искры. Существо замерло, подняло голову и с интересом уставилось на огоньки. Охотница плавно вывела знак, стараясь не злить аддикта. Искрящийся символ пропал в воздухе, но тут же растаял. Девушка отпрянула, а существо испуганно вздрогнуло и задышало чаще.

Надо попробовать еще раз, но тогда придется подойти ближе.

– Привет, я Лиля. Лиля, – голос дрожал, но девушка заставила себя улыбнуться и сделать несколько шагов. Искры снова зажглись, привлекая внимание существа.

– Я пришла помочь.

Еще ближе...

– Цветкова! – Борис ворвался в квартиру.

Невидимая сила отбросила охотницу в сторону, фонарь выскочил из рук и со звоном разбрзгался о стену. Груды мусора, словно топь, засасывали девушку, не давая подняться. Лиля увидела, как лопнули последние нити, сдерживающие аддикта.

Глаза монстра расширились, налились кровью, из-под верхней губы показались желтые клыки. То, что еще недавно было Димой Царевым, приподнялось, освещенное призрачным синим светом, и с хрустом расправило костлявое тело. Существо нацелилось на охотника, зарычало, обнажило острые зубы и бросилось вперед.

Борис отскочил в сторону, и монстр проломил головой балконную дверь. Существо истошно завопило, зацарапало стекло и раму, пытаясь выбраться.

Охотник подбежал к Лиле, схватил за ворот куртки и рывком поставил на ноги. В руках мужчины блестел служебный пистолет.

– Вставай! Это уже мори.

Голос напарника вывел охотницу из ступора. Она расстегнула куртку, но вместо оружия достала из внутреннего кармана мел.

Существо раскрошило стекло, сорвало раму с петель и швырнуло остатки двери в стену. Осколки не оставили на задубевшей коже даже пореза, но черные пятна на лице заблестели:

кожа лопалась на деформированном черепе. Одежда висела на худом теле. Удлиненные пальцы покрылись роговыми наростами, как когти хищной птицы. Мори тяжело дышал.

– По... помоги, – неразборчиво просипело существо, рот растянулся в гротескной улыбке и не закрывался из-за непомерно больших клыков. Но Лиля смотрела только в глаза. Такие же испуганные.

Борис прицелился.

– Он еще человек, – испуганно прошептала Лиля. – Не убивай, прошу!

Охотник смотрел на монстра, пытаясь вникнуть, что имеет в виду напарница. Мори медленно раскачивался – безумие боролось с первобытным страхом перед оружием. Слюна заливалась подбородок. Взгляд упал на Лилю.

– Еда...

Голод победил. Мори, хрюкая, бросился на охотницу, занес когтистую лапу и тут же отлетел в сторону – монстра припечатало к ближайшей стене, на груди проявился знак охотника. Борис вытянул вперед руку и сосредоточился на мори.

– Цветкова, давай! – скомандовал мужчина, но, вместо того чтобы прикончить тварь, напарница кинулась по осыпающимся грудам хлама к стене и принялась что-то чертить.

– Спятила! Что я сказал??!

– Он не нападал, пока ты не напугал его! Он был нормальным и реагировал.

– Собралась лечить труп? Дурочка, он уже трансформировался!

– Боря, прошу! Он человек! Поверь мне!

Борис нахмурился, но спорить не стал и перевел взгляд на существо. Даже прижатый к стене, мори продолжал сопротивляться и всеми силами тянулся к девушке. Охотник держал крепко, хотя рука дрожала и на лбу выступили крупные капли пота. Такой знак использовали, чтобы отбросить, в крайнем случае раздавить, но не удерживать.

Лиля рисовала целительный круг, проговаривая каждый символ. Как же их много, как же долго! Охотница бросила испуганный взгляд на напарника – устал. Знак вытягивал очень много сил. Успеет? Должна успеть! Ну же! Лиля наспех дочертила круг и закинула мел в карман.

– Все получится. Получится...

Охотница зажмурилась.

Существо несколько раз дернулось и застыло. Символы загорелись тусклым фосфорным светом. Глаза мори закатились, голова упала на грудь.

В комнате наступила тишина, даже жужжение кулера стихло, потускнел экран. Будто время застыло.

Охотница тяжело задышала, испарина покрыла побледневшее лицо, пряди волос прилипли ко лбу.

Мори несколько раз вздрогнул.

Лилия, морщась от боли, сжимала кулаки.

Монстр раскрыл пасть в немом крике.

Вибрации становились сильнее и сильнее, пока охотницу не отбросило, как от удара током.

Борис отшвырнул существо и рухнул на колени, тяжело дыша.

Все кончилось.

Невидимый кокон, отделявший квартиру от остального мира, лопнул – с улицы послышался шум ветра, гул машин, тихое жужжание компьютера. Охотник сжал пистолет и не сводил взгляда с кучи мусора, которая погребла под собой существо. Если монстр зашевелится, то охотник успеет сделать выстрел. Секунда, две, три... Движения не было.

Выдохнув, мужчина поспешил к напарнице.

– Цветкова?

Девушка бормотала что-то бессвязное. Из носа шла кровь, заливая подбородок и одежду:

– Темно, очень холодно. И голод, еда, нужна еда...

– Цветкова! Лиля! – Борис поднял девушку и встряхнул, приводя в чувство. Охотница испуганно уставилась в потолок.

– Я в норме... Ой, – Лиля коснулась носа и с удивлением посмотрела на руку. – Почти...

– Голова не кружится? Посиди, я все проверю.

Борис поднялся и подошел к развалу, где на коробках от пиццы лежал бледный мужчина. Обычная кожа, на руках не когти, а отросшие грязные ногти. Темные волосы закрывали лицо – обычное, человеческое. Его аура все еще едва теплилась, но уже бледными тонами. Охотник проверил пульс – парень был без сознания. Аддикция развивалась как минимум несколько месяцев.

Мужчина покосился на напарницу, с трудом веря, что она вытащила парня с того света. Быстрее всего проверить, как прошло исцеление, на круге, но Серебров понимал, что при всем желании не сможет сейчас зафиксировать аддикта на стене. Хорошо, есть другой способ.

Охотник резко встряхнул мужчину и похлопал по щекам.

– Имя! – потребовал Борис. – Как тебя зовут?

– Да... Дмитрий Царев, Сергеевич... – пробормотал мужчина, приоткрыв глаза, аура проявилась отчетливее – обычная, светлая.

– Вытащила. Живой, – проговорил Борис и повернулся к напарнице. – Вызываем чистильщиков, врачей и... еще минута в этой вонище, и надо будет меня оживлять. Цветкова, дойдешь сама до крыши?

Лиля кивнула.

Борис перенес бывшего аддикта на балкон, где усадил на коробки поближе к окну. Мужчина сидел тихо, уставившись в одну точку. Удовствовавшись, что с напарницей все в порядке, охотник ушел к машине, связываясь по очереди со службами и давая отбой в отделе. А Лиля... Она не могла поверить, что получилось. Девушка даже не замечала головокружения. Неужели смогла? Неужели Серебров будет теперь принимать ее всерьез?

Борис вернулся с бутылкой воды и аптечкой. Взгляд мрачнее и тяжелее обычного. Тогда-то до охотницы дошло, что напарник сдерживался не потому, что Лиля была права, а из-за крови – как-никак «ранение при исполнении». Впрочем, это не было чем-то из ряда вон выхोдящим – охотники частенько слишком сильно концентрировались во время исцеления, особенно молодые. Заканчивалось для всех по-разному. Кто потом страдал от головной боли, кто ходил с красными из-за лопнувших сосудов глазами, а кто-то – как Лиля.

– Не останавливается? – спокойно уточнил мужчина, вскрывая чемоданчик, но девушка уверенно схватилась за крышку.

– Я сама... Спасибо.

Борис бросил на нее укоризненный взгляд, но отступил. Облокотившись на раму остекленного балкона, охотник достал из кармана небольшой брелок с кубиком Рубика. Охотница ожидала, что в любой момент напарник начнет поучать, но мужчина не проронил ни слова, пока она останавливалась кровотечение и умывалась. Просто стоял и методично собирал грани. Девушка защелкнула пластмассовый замок на чемоданчике и с опаской покосилась на Бориса. Значит ли это, что она действительно поступила верно? И он это признавал? Этой мысли хватило, чтобы у девушки открылось «второе дыхание»: глаза заблестели, на губах заиграла улыбка.

– Что это? – осторожно уточнила она, кивнув на брелок.

– Опасный артефакт, вызывающий привыкание, но восстанавливающий ненадолго энергию, чтобы я довез нас до отдела, а не до ближайшего столба, – монотонно ответил Серебров, пряча кубик в карман. Лиля осторожно продолжила:

– Знаешь, у этого парня… в голове… я подобного еще никогда не видела. Концентрированная тьма, как… деготь или смола, такая тягучая… и убрать было сложно. И я даже ощутила его голод, знаешь, я хочу про…

Напарник резко перебил ее:

– Достала блокнот и записала для отчета. Игорич с удовольствием его почитает, прежде чем оторвать нам головы.

– Но… мы же спасли аддикта. Если хочешь, то можно не говорить…

– Не говорить? Ты бредишь? Головой сильно стукнулась?

Лиля обиженно поджала губы, она совсем не это имела в виду, но Борис продолжал:

– Цветкова, за последние пять минут, ты нарушила все, что только можно. За такое лишают значка и отправляют полы драить в архиве. И Сергей Игоревич не идиот, догадается, что к чему. Но дело не в этом. Тебе просто повезло. Ты вообще представляешь, что могло бы быть? Хоть на секунду задумываешься?

Девушка отвернулась, сжалась. Да, она ослушалась, нарушила инструкции, но речь шла о человеческой жизни! Охотница посмотрела на Диму и резко выпалила:

– Он бы умер!

Голос охотницы эхом отлетел от стен и затих. Вечерние сумерки уже не казались зловещими. Фонари ровно горели, поскрипывали качели от порывов ветра, птицы сидели на ветках тополей. Обычный неухоженный двор сонной многоэтажки, каких немало в спальных районах Москвы. В окнах загорался теплый свет, включались телевизоры. Громкий вскрик казался чужим. Нелепым.

На подъездную дорогу свернул черный минивэн, а за ним «скорая».

– Бригады тут. Сдаем его врачам, – Борис кивнул в сторону безразличного Димы, – заполнением бумажки – и в отдел. Можешь уже придумывать объяснительную…

– Я не поеду, – заявила Лиля, но тут же спохватилась, поняв, что теперь ее идея прозвучит как вызов. Но отступать охотница не собиралась. Смягчив голос, она пояснила:

– Я хочу его курировать. Это же такой сложный случай! И я вытащила… понимаешь, он же почти обратился! Ты бы видел, что у него в голове…

– Я бы хотел видеть, что у тебя в голове!

Лиля и Дима подпрыгнули. Девушка даже не подозревала, что флегматичный Серебров способен так кричать. Первый раз в жизни она видела напарника таким взволнованным, даже глаза искрились.

Внизу громко хлопнули дверцы машин.

Борис тяжело выдохнул, пытаясь притушить эмоции, и повторил:

– Идем.

– Я же сказала, что хочу курировать.

– Ты серьезно?

– Да, и имею на это полное право, – Лиля постучала по значку на куртке. Борис промолчал, а затем развернулся и подошел к лестнице.

– Флаг тебе в руки, Цветкова. Развлекайся.

Охотник спустился и, направив бригады на второй этаж, сел в машину. Лиля не верила своим глазам – он уехал. Вот так просто…

Едва черная «киа» исчезла из виду, как из глубины квартиры раздался грохот – дверь наконец вскрыли.

Ее рабочий день продолжался.

– Я иду! – поспешила охотница. – Осторожнее, здесь полный бедлам… Мы на балконе.

III

— Заполните эти формы, — проговорил худой медбрать, передавая Лиле планшет. Также к ней подошел бригадир команды клиперов, приводившей квартиру в порядок. Он также передал документы для заполнения, задал несколько вопросов и удалился к своим коллегам.

Первым делом бригада привела в порядок диван, туда и уложили Диму. Над бывшим аддиктом склонился врач, пожилой мужчина в белом халате. Лиля стояла у него за спиной, не решаясь спросить, насколько все плохо.

— Зря ваш коллега уехал, — обеспокоенно сказал врач, проверяя реакцию зрачков.

— Почему? — искренне удивилась Лиля: ничего сложного в бумажной работе не было, в последнее время Серебров вообще просто скучающе стоял рядом, пока охотница все заполняла. Пожилой врач задумчиво цокал языком, не торопясь ответить. Он довольно грубо заставил Дмитрия раскрыть рот. Похоже, несмотря на возраст, доктор все еще обладал твердой рукой. Бывший аддикт вздрогнул, но не смог сопротивляться.

— Тихо. Тихо. Так, следов... — начал было врач, но его прервал Дима. Он изогнулся и его обильно стошило на пол темной жижей. Медбрать поморщился, а старик лишь достал из кармана платок и жестом подозвал одного из клиперов.

— Так, Слава, запишите, что остаточные явления трансформации еще наблюдаются, — распорядился врач, вытирая руки. Лиля лишь спокойно наблюдала за развернувшейся картиной, поражаясь то спокойствию доктора, то своему собственному. Неужели это все — действительно нормальное явление? Или... могла ли она... как это говорят? Черстветь? Еще пару лет назад ее бы вырвало вместе с несчастным парнем, но теперь... просто трудовые будни. Как у этого доктора. Сколько он видел таких Дим за свою жизнь?

Врач поднял на Лилю светлые проницательные глаза:

— Бедный парень, как до такого довели? Куда ваши специалисты смотрят? Слава, свяжись, скажи, чтобы место готовили, я бы его сутки, а то и двое у нас подержал. Ощущение, что он был одной ногой в могиле. На моей практике... лет пять или шесть назад. Не повезло тогда парню...

— Аддикту? — уточнила Лиля.

— Аддикту тоже, но в основном оперативнику. По кусочкам собирали. Это все не шутки. Повезло вам, Лилия Витальевна.

— Лечашему врачу понадобится подробное описание исцеления, попросите вашего коллегу срочно передать...

— Так я исцеляла.

Врач недоверчиво посмотрел на Лилю, а медбрать, помешкав, достал из чемоданчика еще одну форму и закрепил на планшете.

— Ваш личный номер можно?

— Ар, Эм, Ви, семнадцать, ноль, один, — продиктовала девушка. Как она и ожидала, работники «скорой» начали смотреть на нее с большим недоумением.

— Закончили в пятнадцатом?

— Шестнадцатом, — поправила девушка. Врач недоверчиво усмехнулся.

— И она вылечила? — пробормотал он себе под нос.

Впрочем, Лиля не обиделась. Даже в отделе не сразу поверили, что Серебров не вмешивался в ее задания и не надиктовывал отчеты. Сама Лиля была бы не против помощи, но старший охотник ограничивался лишь выбором дела и тщательнейшей проверкой. Но когда у Цветковой чуть меньше чем за год скопилась приличная кипа документов, начальство устроило совещание, куда вызвали Сереброва, но без стажера. Видимо, хотели отчитать, но все закон-

чились тем, что Цветковой без всякой торжественности через пару дней вручили коробочку со значком.

Забрав бланки, девушка ушла к подоконнику и уселась поудобнее. Она сняла с волос розовую резинку и спрятала в карман.

Девушка взяла ручку и прошлась по анкете, но сосредоточиться оказалось сложно. Она думала о напарнике. Почему он ушел? Устал? Или ее выходка его довела? От волнения рука еле заметно задрожала – в крови уже не бурлил адреналин. Только сейчас, прокрутив в голове произошедшее, Лиля ужаснулась: не оттолкни ее Борис...

И теперь обоим грозит разнос. И что бы ни говорила охотница, как ни пыталась выглядеть самостоятельной, но Сереброву прилетит в первую очередь.

– Как удалось вытащить? Подставив напарника, – пробормотала девушка. Он столько для нее сделал, а Лиля… И почему она раньше об этом не думала? Ведь Борис был не просто наставником, он появился в ее жизни задолго до того, как Лиля стала стажером.

* * *

Москва

Октябрь, 2012 год

После встречи около усадьбы девушка все никак не могла забыть охотника. Воображение рисовало загадочного героя в черном, застывшего в луче ослепительно белого света. Как же это было по-детски глупо. Лиля ждала новой встречи и налегала на учебу. Но Арина Валерьевна не преувеличивала, предупреждая о сложности. Несмотря на старания, девушка неправлялась с огромным объемом информации, просиживая часы в архивах и библиотеках. Техника безопасности, классификации, типология. Лиля путалась в видах аддикций, с их характерными признаками, а важные имена и даты вылетали сразу после прочтения.

До первой контрольной оставалось около недели, когда Арина Валерьевна сообщила, что проводить ее будет ассистентка преподавательницы Нина. Измотанная Лиля радостно выдохнула. Нина была молоденькой симпатичной девушкой, на удивление мягкой и тихой. Когда она вела пары, то группа преспокойно гоняла чаи, а кто-то один зачитывал учебник. Угроза миновала, а вместе с этим сошла на нет и собранность. В день перед зачетом Лиля не открыла ни книг, ни конспектов, просто смотрела сериалы, а затем лениво собралась на вечернюю тренировку.

Из-за ноябрьской непогоды студентов отправили заниматься в закрытый зал, и Лиля впервые оделась в летнюю спортивную форму. Когда взгляд упал на изуродованные предплечья, девушка невольно поджала губы. Бинты сняли давно, а она все никак не могла привыкнуть к багровым бугристым пятнам, похожим на ожоги. Лиля подняла руки и скрестила их, прикрыв лицо, пытаясь вспомнить, как же это случилось.

Да, так это и было... Вот поэтому правой большие досталось.

По спине пробежали мурашки – прямо перед глазами оказалось еще одно напоминание, почему Лиля оказалась в больнице. На каждой руке по четыре продольных рубца от локтя до запястья.

Тогда Лиля уже слышала про маскирующий знак, способный скрыть шрамы, но не представляла, как именно его использовать.

– Ну почему у формы короткие рукава? А с кофтой я через пять минут сдохну от жары, – тоскливо проныла Лиля. Девушка тщательно скрывала изуродованные руки, волнуясь, что однокурсники начнут спрашивать, откуда шрамы. Или еще хуже: испуганно отводить взгляды.

Что же теперь делать?

Девушка хитро прищурилась: а ведь физкультуру вел дядя Толя – добродушный старичик, вальяжно расхаживающий в потертом спортивном костюме с неизменным свистком на

шее. Обычно в начале занятия он выдавал мячи, болтал с кем-нибудь из студентов и практически ничего не требовал. Дядя Толя наверняка ничего не скажет, если одеться немножко не по форме...

Несмотря на затянувшиеся поиски подходящей одежды, Лиля быстро добралась до спортивного зала, заодно разогрелась, пока бежала по длинному переходу. Она выскочила на небольшой балкон и поспешила вниз по лестнице, но, еще не спустившись, услышала одногруппников. Четверо молодых людей стояли рядом с широкими дверями и что-то бурно обсуждали. В общем гуле выделялся голос Саши. Он отчаянно пытался доказать что-то одногруппникам, но Руслан лишь поддевал его. Сережа и Марк, которые теперь все время ошивались подле Руслана, только посмеивались и поддакивали. Оставшиеся две девушки из группы, Катя и Вика, предпочли отойти подальше.

Одногруппники казались Лиле очень взрослыми, часто она не понимала их шуток или того, о чем они говорят. Девушка хотела тихонечко юркнуть на скамейку, стоявшую около лестницы, но ее заметили.

– Эй, Цветочек, это что? – Катя Свирилова смерила удивленным взглядом ярко-розовый обтягивающий лонгслив с котятами.

– Тренера соблазнять? – загоготал Руслан. – А че, вам, девкам, хорошо – практически «автозачет». Ну, у дяди Толи точно.

– Я просто футболку не могу найти, – попыталась оправдаться Лиля, но ее никто не слушал.

– Цветкова – мелкая провокаторша. Ей же восемнадцати нет, – поспешил добавить Сережа и тут же посмотрел на Руслана, ожидая реакции. Тот усмехнулся, и Марка с Сережей понесло, и они наперебой принялись сочинять нелепые теории, как можно получить оценки и на других предметах.

– Может, уже заткнетесь? – не выдержала Катя, резко оборачиваясь к ребятам, те удивленно уставились на девушку.

– Ваше поведение совершенно не соответствует званию охотников, – добавила Вика, сложив руки на груди.

– Чего? – уточнил Руслан, не скрывая ехидной улыбки. – Это ты сейчас сама придумала? Мы еще ни разу не охотники. И кто знает, кто дойдет до конца.

– Это ты перед физкой такой бодрый? Что ж на уроке сегодня блеял, как… – начала Катя, но вовремя осеклась. Руслан упер руки в бока и уточнил:

– Ну, Свирилова, как кто?

Катя также уперла руки в бока и, больше не сдерживаясь, выпалила все, что думает о парне. К спору тут же подключились Марк с Сережей и Саша. Лиля молча сидела поодаль, наблюдая за однокурсниками. Пожалуй, стоило попотеть в кофте. Казалось, ребята вот-вот оторвут друг другу головы. Гомон резко прекратился, когда открылась дверь. Студенты поспешили в зал, но, не пройдя и метра, застыли.

– Проходите. Занятие уже началось. Постройтесь, – эхом разлетелся спокойный голос. Не тренера, но почему-то знакомый. Студенты выстроились по росту, и Лиля шмыгнула в хвост шеренги.

Спортивный зал был довольно большим, поделенным на два сектора, с баскетбольной площадкой и множеством спортивных снарядов. По кругу шла беговая дорожка в три полосы, на ней и остановились студенты, выровнявшись по разметке. Перед ними в серой спортивной форме стоял Борис Серебров. От волнения у Лили вспотели ладони, а в ушах зашумело. Борис Алексеевич что-то говорил, а Лиля просто пялилась, не задумываясь о том, что охотник делает в спортзале или куда пропал тренер. Гораздо сильнее ее поразило то, как Борис Алексеевич выделялся на фоне однокурсников. Он выглядел ненамного старше, но держался совсем иначе.

Прямая спина, расправленные плечи, уверенная походка. Совсем не как дядя Толя. В присутствии охотника хотелось вытянуться по стойке «смирно» и молчать.

– А где дядя То... Анатоль Иваныч? – уточнил Руслан.

– Заболел, – отрезал Борис. – Есть еще вопросы?

Студенты, не сговариваясь, синхронно помотали головой. Охотник прошелся перед студентами, внимательно разглядывая каждого, пока не остановился перед Лилей. Интересно, он помнит ее? Вдруг сейчас, всего на секундочку, чуть потеплеет взгляд и он скажет что-нибудь... спросит: как дела? Ее щеки порозовели, глаза заблестели в предвкушении, она глубоко вдохнула! Но вопреки бурным фантазиям бывшей школьницы новый тренер нахмурился.

– Почему не в форме?

Кто-то из парней не сдержал усмешку. Лиля онемела, теперь горели еще и уши, и захотелось провалиться сквозь землю.

– Переодеться, живо.

Девушка пулей вылетела из зала под смех парней, который, впрочем, резко стих.

Когда Лиля вернулась, в форме и наглоухо застегнутой кофте, то увидела, что однокурсники были пунцовые, взмокшие, развалились на скамейке, тяжело дыша.

– Цветкова, ты в курсе, что от занятия прошло уже двадцать минут? – уточнил Серебров, не поворачиваясь к девушке. – Давай для начала десять кругов по залу. Чего все сели? Тащим маты. Посмотрим на растяжку.

Лиля не сдвинулась с места. Растяжка? Вот ее шанс показать, что она может! Не зря же она восемь лет занималась хореографией, правда, последние полтора года она не выполнила ни одного упражнения, но об этом Лиля не подумала. Она достала из кармана ярко-розовую резинку с «хеллоу китти», наспех собрала волосы в хвостик на затылке и поспешила к тренеру.

– А можно мне тоже на растяжку? – начала Лиля, но поймала на себе взгляд Вики. У однокурсницы испуганно расширились глаза, и она замотала головой, но было поздно. Борис Алексеевич смерил Цветкову суровым взглядом и одним движением стянул резинку.

– Что это за дурацкий кот?

– Ну, я...

– Двадцать кругов, Цветкова, живо!

Испуганная девушка не заметила, как ноги сами вынесли ее на боковую дорожку, но вот то, что улыбающаяся морда «дебильного кота» скрылась в кармане тренера, Лиля увидела. Студентке оставалось лишь наблюдать за занятием, наматывая круги.

Голос Бориса пролетел эхом по залу. Лиля не разбирала слов, но все посматривала на охотника. Конечно, украдкой, чтобы не заметил.

– Ну я занимался. Карате, пять лет, – самодовольно протянул Руслан. – Анатолий Иваныч уже видел. Ну могу и вам показать.

– Ну покажи.

Дорожка была извилистой, и на повороте Лиля уже не видела ни однокурсников, ни Бориса. Она лишь услышала сдавленный вскрик и удар об пол. Цветкова невольно замедлилась и обернулась.

Руслан с трудом поднялся. Он промокнул пальцем свежую рану на губе и скривился от злости. Борис Алексеевич уже вернулся к остальным студентам:

– Грубая ошибка. Корпус не должен поворачиваться. Хорошо, раз никто ничем не занимался ранее, то начнем с...

Но тут Лиля поняла, что уязвленный Руслан и не собирается вставать в строй. Парень сжал зубы и бросился на Бориса со спины, пытаясь сделать захват. Цветкова вскрикнула, но Серебров резко схватил нападающего за руку, перекинул через себя и изо всех сил приложил о пол. Охотник с силой сжал руку Руслана в болевом захвате.

— Это где тебя так учили, а? — охотник слегка надавил, отчего парень взвыл. — Отвыкай, Каратист. Здесь так не играют.

Борис поймал на себе испуганные взгляды студентов, а также Цветковой, остановившейся на другом конце зала. Тяжело вздохнув, Серебров отпустил парня. Руслан тут же принялся растирать руку, корчась от боли при каждом прикосновении.

— Отведи Каратиста в медчасть, — скомандовал тренер, обращаясь к Сергею. — Остальные продолжим. Цветкова, почему всталла? Еще плюс десять кругов. Бегом!

Когда Серебров наконец отпустил группу, Цветкова также поплелась к выходу, едва представляя ноги. Прекрасные романтические образы уже не так ярко возникали перед глазами. Охотник не собирался ее так просто отпускать:

— Ты куда? На отработку. Тебя двадцать минут на занятии не было.

Лиля нервно сглотнула и тоскливо посмотрела на однокурсников.

— Мы запомним тебя, — протянул Саша, вытирая пот футболкой.

— Руслан с Сережей, халевщики, так и не вернулись, — мрачно заметил Марк.

— Держись, Цветочек. Ты его не зли, а то задержит еще, а завтра контрольная… — Вика, проходя мимо, осторожно погладила младшую по плечу. Катя также похлопала Цветкову и устало поплелась к выходу.

Где-то в глубине души Лиля все же надеялась, что наедине Борис Алексеевич станет мягче, но он и не думал жалеть девушку. Более того, если у ребят был шанс передохнуть, то Лиле досталось по полной программе. Серебров не только следил за правильным выполнением, но и периодически начинал задавать вопросы. Ни с того ни с сего, как казалось Лиле. Сначала простые, но затем усложнял, переходя к теории, которую изучали только охотники. Когда Лиля забиралась на канат, Борис уточнил:

— Сколько всего видов аддикций?

— Что? — опешила Лиля, которая до этого сосредоточенно лезла наверх по канату.

— Что слышала, — Серебров сложил руки на груди. — Сколько всего существует видов аддикций?

Лиля нахмурилась — ответ не шел на ум, и она брякнула:

— Три?

— Ты серьезно?

— Пять?

— Гадать будешь? Хорошо, три признака: нити, подпитка извне, провоцирование на выплеск эмоций — к какому виду относятся эти характеристики?

Лиля крепче вцепилась в канат, не зная, что ответить. После бега и упражнений она могла думать лишь о том, как хорошо было бы вытянуться в горячей ванне. Или просто рухнуть на кровать, не раздеваясь, и отрубиться.

— Ну?

— У нас не урок теории! — выпалила Лиля, чувствуя, как заливается краской. — Я еще не повторяла…

— На задании тоже так будешь? — Борис Алексеевич раздраженно дернул плечами. — Ой, простите, я еще не повторяла, полежите тут, я в блокнотик гляну…

Лиля насупилась и начала медленно слезать.

— Цветкова, ко всему всегда надо быть готовой. Всегда, — пробормотал Борис. — Что всталла? Идем…

— Но я устала…

— Лучший отдых — смена деятельности.

Электронные часы над выходом показывали, что занятие закончилось час назад, когда девушка не выдержала.

— Я… больше не могу, — с трудом проговорила она, рухнув на мат. Казалось, что каждая клеточка тела горела. Хотелось просто лежать, смотреть в потолок и тихо скулить. Юная студентка не могла заставить себя сделать ни одного подъема на пресс. Тренер сидел перед ней, крепко держа ноги.

— Ты же хотела быть охотником. Или ты только на словах такая бойкая?

— У меня на тренировках все хорошо было, и вообще Анатолий Иванович не заставлял нас… — начала Лиля, как вдруг мужчина резко потянул за ворот футболки — девушка, пискнув, осела.

— А я, злой, противный, заставляю. А ведь вы так хорошо играли, да? Так вот, Цветкова, запомни: Анатолий Иваныч — старый тролль, который, если посчитает нужным, всю душу вытрясет. Если разрешает играть в мячик, то у меня плохие новости. Дядя Толя, знаешь ли, не любит тратить время попусту. Знаешь, почему он не пришел?

Лиля ошарашенно вытаращила глаза и покачала головой.

— У дяди Толи сегодня день рождения. Он сказал, что лучше будет просаживать печень на даче, чем гонять этих бестолочей, которые ничего и не пытаются сделать.

— Но он же… — пролепетала Лиля, но не решилась спорить с Серебровым.

— Экзамен, Цветкова, в конце года для всех один. Думаешь, сейчас сложно было? Там ты захочешь сдохнуть. Ладно. Иваныч пока к вам присматривается, проверяет, кто серьезно занимается, а кто нацепил розовую кофточку и прыгает, как коза с мячиком.

Лиля сильнее покраснела, а Серебров наконец отпустил ворот.

— Увидит, что тебе все равно, — забьет. Будешь играться, а затем получишь «неуд», и скатертью дорожка. Здесь не школа, бестолочей не тащат. Совет: соберись, Цветкова. Покажи, что ты хочешь работать.

Борис Алексеевич поднялся.

— На сегодня все. Ладно, иди уже.

Он дождался, пока Лиля отойдет в сторону, затем поднял мат и уже хотел оттащить на место, как девушка тихо спросила:

— А резиночка?

— Что?

— Моя резиночка. Розовая. С «хеллоу…», с котом.

— А, эта… не заслужила.

— Но вы же один раз, на замену.

— Ну, значит, кот прогуляется до помойки, — Серебров безразлично пожал плечами. — У кого завтра контрольную пишете?

— У Нины… Нины Михайловны.

— Очень хорошо.

От его тона стало не по себе.

Наутро Лиля не могла понять, отчего ей было хуже: от позора перед Борисом Алексеевичем или от ужаснейшей боли во всем теле. Девушка добралась до аудитории практически ползком, впрочем, не она одна — Катя, Вика, Саша и Марк буквально рухнули за парты и косо посматривали на бодрых Сережу и Руслана, последний гордо сидел с забинтованной рукой и рассуждал, что охотник точно жульничал, применил какие-нибудь «экстрасенсорные штуки».

Совпадение или нет, но милейшая ассистентка Арины Валерьевны, Нина, превратилась в мегеру. Она оделась в строгий, наглухо закрытый костюм, идеально уложила обычно взъерошенные пепельные волосы и медленно ходила вдоль парт, цокая лакированными каблуками. Женщина поочередно разносila ответы студентов, но все же ставила хорошие оценки.

Лиля с трудом удерживала ручку и едва понимала смысл вопросов. Никогда в жизни она не чувствовала себя настолько тупой и жалкой. Единственное, о чем она могла думать, — как же все болят! Даже дойти до учительского стола казалось подвигом.

Женщина даже не посмотрела на девушку, а сразу забрала лист с ответами, пробежалась по строчкам и изобразила искреннее удивление:

– Сама написала? Не подглядывала? Не списывала?

Лиля помотала головой.

Нина Михайловна поджала губы и взяла красную ручку.

– Не «кризализм», а «кризалис». Цветкова, это же принципиально разные вещи… – бормотала под нос преподавательница, исправляя ошибки. Лилю только оставалось наблюдать, как в каждой строчке появлялись надписи красными чернилами. Ассистентка молча вернула лист, где в самом конце красивым почерком было написано «неуд».

Лиля на негнущихся ногах вышла из аудитории, скомкала в сердцах контрольную и рванула было к общежитию, но тело отзывалось резью в мышцах, из глаз брызнули слезы. Кто-то кричал ей вслед, но девушка продолжала упорно идти до своей комнаты. Обессилев, она упала на кровать и зарыдала в голос. От боли и обиды.

Лиля подывала в подушку, когда к ней вошли однокурсницы.

– У, ты посмотри на нее. Совсем, мать, расклеилась! – протянула Катя.

– Эй, Цветочек, ты чего? – Вика ласково погладила девушку. – Так рыдать из-за двойки. Мы поговорили с Ниной Михайловной, она сказала, что можно пересдать. Мы это тебе в коридоре кричали, но ты рванула…

– Мне не поможет, – всхлипнула Лиля. – Я тупая, бездарная дура…

– Ну, я б спорила, – усмехнулась Катя. – После вчерашнего я точно так не стартовала бы. Ракета!

Лиля хотела было продолжить причитания, но, выглянув из-под подушки, увидела, что однокурсницы уже начали хозяйничать в комнате: Катя раскладывала принесенные книги, Вика заливала воду в чайник.

– Что это вы делаете? – Лиля вытерла слезы.

– А ты как думаешь? – Катя устроилась на стуле, разминая мышцы на ноге. – Если мы собрались вытаскивать людей из сложных жизненных ситуаций, то начнем с одной маленькой девочки. Ой, Вик, мне зеленый, мятный. Обожаю. А, да, Цветочек, этот тебя вчера долго… мучил?

– Борис Алексеевич, – отозвалась Лиля. – Он… хороший.

– Знаешь ты толк в извращениях, мать, – покачала головой Катя. – Ладно, я узнала, дядя Толя уже в пятницу вернется и оценку исправит…

– Да этот ваш дядя Толя плевать хотел на нас с высокой колокольни, – пробормотала Лиля. – И не болел он ни фига…

– В смысле? – уточнила Катя, с интересом посмотрев на Цветкову. – Это тебе этот Серебров сказал?

Лиля кивнула и, успокоившись, пересказала однокурсницам, что же рассказал ей Борис Серебров. Через полчаса девушки уже по-дружески болтали, распивая чай. Свиридова раскрыла на коленях книгу и подняла на Лилю целеустремленный взгляд:

– Давай так. Повторяем третий параграф. Я буду читать, если что-то непонятно, спрашивай – разберем. А после мы с Викой тебя погоняем по содержанию. Идет?

Лиля потупилась:

– Спасибо, девочки, но… мне, наверное, действительно лучше уйти. Я слишком глупая для всего этого. В школе пятерки были только по физре с рисованием. А тут я и с физрой – как фанера…

– Перестань, мы вчера все пролетели, – Вика нахмурилась и тихо добавила: – Мой первый «неуд» в жизни.

– Послушайте, – перебила ее Катя, не давая однокурсницам погрузиться в самобичевание, – нас всех приняли не за красивые глаза. Глаза, конечно, у всех чудесные, но нас выбрали

потому, что мы можем пройти этот курс. Да, это сложно, непривычно, но нужно постараться. Вот этот Борис... как его там... Алексеевич, думаешь, он Нео³ какой-нибудь? Ничего подобного. Тоже сидел, страдал. Вот точно.

А сопли размазывать – особого таланта не надо. У нас есть шанс сделать что-то невероятное. Неужели ты готова вот так взять и все бросить? Завтра утром на пробежку, разомнемся, напросимся лишний раз в зал, покажем этому дяде Толе... Все будет хорошо.

Вика потупилась, но затем решительно кивнула:

– Да, ты права. Так и сделаем.

Лиля подняла глаза и посмотрела на одногруппниц... *Нет, на подруг*. На душе потеплело, и на лице заиграла теплая улыбка. Цветкова украдкой вытерла накатившиеся слезы, на этот раз благодарности, и пробормотала:

– Спасибо. Спасибо, что не бросаете меня.

С того дня студенческая жизнь заиграла новыми красками.

Ко второму курсу девушка училась не хуже других, даже придумала несколько действенных способов, чтобыправляться с теорией. Что же до практики... Борис не соврал. После первого экзамена никто и не думал называть Анатолия Ивановича дядей Толей. Если бы она не собралась, то кто знает... может, и вылетела бы, как Сережа.

После удачно сданного зачета Лиля надеялась, что однажды, зайдя в спортзал, вновь встретится с охотником. Конечно же, чтобы доказать, что она уже не та испуганная школьница, не способная связать двух слов вместе. Но охотник больше не приходил. Даже когда болел Анатолий Иванович.

И как ни искала Лиля встречи с Борисом, но охотник словно испарился. Единственным напоминанием о том, что Серебров не плод ее фантазии, стала найденная на первом этаже фотография. В главном холле, среди многочисленных снимков в черных рамках, Лиля нашла выпуск две тысячи десятого года. Борис Серебров, даже будучи студентом, выглядел очень серьезным и уверенным в себе.

Так что Цветковой ничего не оставалось, как наслаждаться студенческой жизнью и втайне надеяться на нечаянную встречу.

Но счастливая пора длилась только до третьего курса. И все началось в тот день, когда в учебный корпус опять приехал Серебров.

В начале года ввели новый предмет – изучение боевых знаков. К всеобщему разочарованию, первые занятия оказались сложнейшими лекциями. На этот раз Лиля даже не думала расслабляться. Она терпела и збурила, боясь опять стать худшей. Цветкова смогла сдать теорию, наравне со всеми, но худшее оказалось впереди: первое практическое занятие. Еще до его начала студенты заподозрили неладное, обнаружив около кабинета ребят с выпускного курса. На все расспросы они либо отшучивались, либо молчали. За пять минут до начала подошла Арина Валерьевна в неизменной твидовой тройке и кроссовках.

– О, почти все тут. Правда, гости запаздывают. Ладно, заходите.

Студенты переглянулись – о ком она? – и несмело вошли внутрь.

Аудитория для практических занятий оказалась самым странным кабинетом, который когда-либо приходилось видеть Лилю, – стены были оббиты матами, а вместо парт в ряд стояли десять барьера, не больше метра в высоту. Единственные широкие скамейки были около двери – там устроились старшекурсники.

– Не нравится мне все это, – пробормотала Катя.

– Группа триста четыре, сегодня у нас по плану... – начала преподавательница, но ее прервал глухой стук, дверь слегка приоткрылась, и послышался до боли знакомый голос:

³ Главный герой серии фильмов «Матрица».

– Доброго дня, Арина Валерьевна.

Лиля вздрогнула, решив, что ей почудилось. На щеках появился румянец.

– Доброго, – женщина расплылась в улыбке. – Заходите, пожалуйста. Спасибо, что нашли время.

Студенты замерли – в кабинет вошли два охотника-оперативника в форме: серые рубашки с нашивками, черные брюки и ботинки на шнурковке. Один был молодым черноволосым парнем с раскосыми глазами и обаятельной хитрой улыбкой. Старшекурсники узнали его и приветливо помахали, парень же гордо выпятил грудь, демонстрируя блестящий значок. Второй вел себя куда сдержаннее. Его до сих пор очень хорошо помнили, а Руслан даже потер руку и насупился.

– Знакомьтесь, Серебров Борис Алексеевич и Чонаев Кир Маданиятович, – представила охотников преподавательница.

– Можно просто Кир. Как жизнь? – попытался разрядить обстановку молодой оперативник, весело подмигнул, но только Лиля отреагировала так же дружелюбно, остальные сухо поздоровались и не сводили глаз с Сереброва. Оба охотника отошли в сторону, а в центр комнаты вышла Арина Валерьевна.

– Приступим. Встаньте, пожалуйста, напротив барьера по одному.

Цветкова успела занять место на другом конце комнаты и внимательно рассмотрела конструкцию. Невольно вспомнились препятствия, через которые заставляют прыгать лошадей. Ее же не заставят выполнять какие-нибудь кульбиты? Лиля осторожно поступала по преграде – обычная фанера, выкрашенная морилкой, две опоры по бокам, внизу колесики, на полу рельсы. Барьер двигался. Интересно зачем.

Арина Валерьевна привлекла внимание студентов, напомнила теорию, и когда убедилась, что вопросов нет, хлопнула в ладоши и скомандовала:

– Приступайте!

Создание самого простого знака «успокоение» требовало невероятной концентрации. В тот миг, когда Лиля вызвала на онемевших руках еле заметные искры, мышцы напряглись до дрожи. Кожу на кончиках пальцев закололо, как на морозе.

– Молодец, Цветкова, держи, держи! – к ней поспешила Арина Валерьевна. – Теперь рисуй знак. Сначала медленно выводи полукруг, а под конец быстро закончи, будто хочешь скинуть искры с пальцев.

Девушка послушно выполнила указание и с восторгом смотрела на искрящийся серебристый рисунок, зависший в воздухе. На секунду усталость исчезла, и Лиля заулыбалась. У нее получилось! У первой из всей группы!

– Теперь давай попрактикуемся.

– Что? Это не все? – Лиля удивленно подняла голову. К ней хотел было подойти заскучавший Кир, но Серебров его остановил. Девушка нервно сглотнула, когда охотник встал напротив нее.

– Как учеба, Цветкова?

Лиля поняла, что мужчина заметил ее реакцию и теперь будто издевался.

– Была неплохо.

– Группа, секунду внимания. Пока отдохните и послушайте. Сейчас Цветкова перейдет непосредственно к практике, – старшекурсники оживились, молодой охотник также смотрел с интересом, а вот одногруппники – с искренним сочувствием. Арина Валерьевна продолжила:

– Как вы помните, источником всех знаков служат ваши собственные эмоции. В первую очередь нужно добиться гармонии внутри и с помощью знака передать это состояние другому человеку. «Успокоение» применяют чаще всего, чтобы утихомирить агрессивно настроенного человека. Так как вам пока рано контактировать с аддиктами, то сейчас вы будете отрабатывать знак при помощи упражнения с барьером.

После этого Арина Валерьевна повернулась к девушке и охотнику:

– Цветкова, Борис Алексеевич использует телекинез и будет удерживать барьер. Эмоциональный источник для этого знака как раз злость. Так что ваша задача, используя «успокоеение», ослабить телекинез и сдвинуть барьер на три шага вперед. Это все. Вопросов нет? Тогда приступайте.

Звучало довольно просто. Лиля растерянно взялась за верхний край преграды и хотела было толкнуть, но колесики словно вросли в пол. Борис Алексеевич просто смотрел на барьер, никаких знаков или искр, но чертова штука не трогалась с места!

– Как это возможно? – пробормотала девушка, поднимая руку. Искры зажглись не сразу, но Лиля сконцентрировалась изо всех сил, аккуратно вывела полукруг, и в воздухе застыл знак. На этот раз он сиял ярче и не исчезал, девушка готова была поклясться, что свет словно вытягивает силы. Лиля налегла на барьер и сдвинулась ровно на шаг!

– Получилось, – восторженно прошептала она и уставилась в пол, чтобы убедиться в «триумфе», но без подпитки знак в секунду растаял. Серебров выставил вперед руку, и барьер отъехал назад почти на метр.

– Это... нечестно! – зашипела Лиля и возмущенно уставилась на преподавательницу, ища поддержки, но Арина Валерьевна отвернулась, разъясняя что-то изможденной Вике.

– Это был мой честно заработанный шаг, – девушка с вызовом посмотрела на охотника, на его лице появилась наглая усмешка.

– Не спи, Цветкова, – он немного подвинул барьер. – До стены недалеко.

Лиля выставила руку, но внутри все клокотало от гнева. Искры не зажигались, а Серебров продолжал наступать.

– Думай, Цветкова, – он не скрывал насмешливого тона. – Может, что-то делаешь не так?

Злость не давала сосредоточиться, а барьер продолжал двигаться. Хотелось закричать, возмутиться, бить ногами дурацкую фанеру! Ну почему знак не появляется? *Это нечестно!*

Девушка уперлась спиной в стену, и Борис Алексеевич опустил руку. Вместе с этим схлынула злость, бушевавшая внутри еще секунду назад.

– Ну что ж. Отдыхай.

Лиля медленно проводила охотника взглядом и от обиды пнула проклятый барьер – тот легко отъехал назад. *Стоп. Секунду. А почему она злилась?* Девушка запустила пальцы в волосы, лихорадочно соображая. *Вот так дела. Вот в чем сложность упражнения. Не в телекинезе, а в том, что охотники легко ловили чужие эмоции. Вот что она делала не так! Бесилась, вместо того чтобы отгородиться и успокоиться.*

Так. Она обязана попробовать снова. И в этот раз заранее сконцентрируется на каком-нибудь приятном ощущении. Например, как они с подругами гуляли в зимнем лесу. Тогда пригревало солнце, хрустел под ногами снег, тихо щебетали птицы, почувствовав первые нотки весны. *Настоящая гармония! Да! То, что нужно!*

– Уже закончили? – спросила Арина Валерьевна, обходившая аудиторию.

– Нет! – выкрикнула Лиля. Серебров удивленно повернулся, впрочем, как и все остальные.

– Я поняла, где ошиблась!

– Борис Алексеевич? – преподавательница посмотрела на охотника, тот просто кивнул и вернулся на место.

– Я почти... – Лиля встала поудобнее, разминая руку, но барьер начал надвигаться без предупреждения.

Да какого...! Это не по правилам! Задание же звучало совсем не так!

Стоп! Она опять «словила» его злость. Воспоминания о зимнем лесе исказились, и вместо «гармонии» Лиля вспомнила про холод, неудобную обувь и окончательно потерявла

настрой. Чтобы не упасть, девушка вцепилась в края барьера и уперлась ногами, но это не помогло. Что же делать? Стена все ближе!

Лиля закрыла глаза и выдохнула. Нужно успокоиться. Ничего страшного не происходит. Это просто барьер, стена, а он просто человек...

В памяти всплыл давно забытый образ их встречи в больнице, и... в груди разлилось тепло, словно зажегся крошечный огонек. Лиля уцепилась за это чувство, стараясь всеми силами сохранить его.

Искры засветились, и проявился знак. Девушка протянула руку, не открывая глаз.

Ему незачем вредить мне... незачем на меня злиться.

Лиля крепче схватилась за кант барьера, уперлась в фанеру правой ногой, налегла, перешиваясь через край, и с трудом сдвинулась вперед.

Главное – удержать тепло!

Лиля толкала барьер, вытянув руку, – знак гасил гнев охотника. Девушка налегала изо всех сил на преграду, и стоило сдвинуться хоть на сантиметр, как она тут же подставляла ногу, закрепляя крохотные шаги. Еще и еще! Девушка взмокла, но прошла гораздо больше, чем просила преподавательница, и не собираясь останавливаться.

Она смогла продвинуть преграду далеко, сразу на несколько шагов, не успела подстavarить ногу... как вдруг пальцы коснулись руки охотника. Девушка широко распахнула глаза и вздрогнула – она подошла слишком близко. Борис Алексеевич даже не вытянул руку для своего знака. Всего на мгновение они встретились взглядами, и...

Барьер больше ничего не удерживало. Лиля наклонилась, и фанера, на которую она опиралась, скользнула по рельсам назад, ударив ее по ногам. Девушка, взвизгнув, не удержалась и повалилась вперед на охотника, сбив его с ног.

Они сидели в коридоре перед кабинетом. Серебров держал пакет с сухим льдом на затылке – удар о пол оказался болезненным, а Лиля прикладывала лед к переносице. Девушка смущенно сжалась на самом краю скамейки, радуясь, что из-за компресса не видно ее лица.

Как же ей было неловко! Она буквально сгорала от стыда, а еще проклятый мозг все напоминал, как она полетела вперед и впечаталась... в грудь? В живот? Какой кошмар. Сердце опять зашлось, и стало тяжелее дышать.

Ну почему приехал именно Серебров? Лучше уж она бы упала на того веселого парня... Конечно, лучше всего было бы ровно стоять на ногах.

– Цветкова, – тихо выдохнул Борис Алексеевич. Лиля вздрогнула, не ожидав, что охотник заговорит с ней.

– Ну кто так делает? Приходи помочь, говорили они, первый год знаков... Как-то мне с твоей группой не везет.

– Увлеклась, – пробормотала Лиля, тихо выдыхая про себя. Он не сердился.

– Простите, Борис Алексеевич.

– Боря... – машинально поправил мужчина и сам удивился. – Однако неплохо меня знаком приложило.

– Боря? – Лиля неожиданно для себя расплылась в глупой улыбке.

– Цветкова, не наглей. Борис, но на «вы» и когда рядом никого.

Мужчина снова замолк, но Лилю так и подмывало что-нибудь спросить. Почему он сегодня пришел? А тогда? Это просто совпадение? А как он создавал знак? Но с языка сорвался совершенно дурацкий вопрос.

– Борис, – она не избежала соблазна назвать охотника по имени, – а вы выкинули мою резиночку?

Охотник удивленно поднял брови и слегка наклонил голову: до него не сразу дошло, что речь шла о «детском безобразии», которое он снял с ее головы полтора года назад.

– Понятия не имею, где она, – Серебров усмехнулся. – Но все равно бы не вернул. Не заслужила.

– Но я же все выполнила. Прошла чуть ли не полкласса.

– А надо было всего три шага и без выкрутасов.

Дверь резко открылась, из аудитории послышалось движение, Кир вынес бледную, как полотно, Вику. Лиля подскочила, но Борис резко усадил ее на скамейку.

– Вот без тебя там не справится, – скептично проговорил он. – Вся мед часть сидит и молится, когда же придет Цветкова.

– Вдруг я могу помочь…

– Да ничем ты тут не поможешь, – Борис Алексеевич замолчал, словно раздумывал, стоит ли говорить или нет, но все же продолжил: – Она не тянет. На оперативника – точно.

Лиля взвилась, выпрямилась и с вызовом посмотрела на охотника. Неловкость мигом прошла.

Что он такое говорит? Вика самая умная в группе, как она может не тянуть?

– Ну давай, – безразлично хмыкнул мужчина. – Скажи, что я, негодяй такой, обзываю милую девочку.

– Вы не правы. Вика лучше многих. Если даже у меня получилось, то Вика…

– Ты – это ты, Цветкова. Она – это она. Ты тянешь, подружка – нет. Такое бывает. Если честно, не она одна…

– Тогда я ей помогу. Девочки возились со мной. Если надо, то я ради них…

– Цветкова, тебе просто нужен был хороший пинок, а тут… Не надо тащить человека туда, где ему не место. На что он ни физически, ни морально не заточен. Может, из нее гениальный аналитик выйдет, а ты ее в «поле». Так, за компанию, устроишь человеку персональный ад. Хороша помощь.

Лиля наступила, ее задевал самоуверенный спокойный тон и слова, которые оставалось только проглотить.

Остаток дня три подруги провели в комнате у Вики. Девушка быстро пришла в себя, но слабость осталась.

– Вот это урок! – Лиля тщетно пыталась завязать беседу, но Вика с Катей больше помалкивали. Одна от усталости, вторая от сдерживаемой злости. Кате удалось вызвать искру, но барьер, который держал охотник, она не сдвинула ни на миллиметр. В первый раз за время обучения она не справилась с заданием.

– Это что-то невозможное! – выпалила Катя. – Что-то за гранью. И как, блин, использовать эти… штуки?

– Главное, успокоиться. Вы чего, девочки? Раньше тоже было сложно…

– Не так! – Катя вскочила, но спохватилась. – Ладно, уже поздно. Я сегодня домой. Отпустили на выходные. Хочу прийти в себя после этого кошмара. В понедельник опять чертова практика. Надеюсь, уже без этих двоих. Слушай, Цветочек, а чего ты смолчала? Я видела, что Серебров не держал барьера, а прибил тебя к стене.

– Он мне помочь хотел… Знаешь, Борис сказал… – Лиля запнулась, а глаза Кати сверкнули от злости.

– Борис. Приехали. Цветочек, у меня новости: хрень творит твой Борис, а ты его оправдываешь. Втюрилась, так молчи, – Катя вышла из комнаты, хлопнув дверью. Лиля перевела затравленный взгляд на Вику.

– Цветочек, не обидишься, если скажу, что хотела бы поспать?

– А, да, хорошо…

Выходные прошли для Лили спокойно, да и Катя тоже поднабралась сил. Она вернулась в понедельник невероятно бодрой, с блестящими глазами, и с легкостью вызвала знак, а затем расправилась с барьером. После она все пыталась извиниться перед Лилей, но та и не думала

обижаться. Она улыбалась Кате, весело кивала, а сама все чаще вспоминала слова охотника и с волнением следила за Викой. Как и предсказывал Борис, подруга не справилась ни в понедельник, ни на последующих уроках. Вика замыкалась, утыкаясь в книги, пытаясь найти решение, в отличие от других однокурсников, которые во всеуслышание возмущались, что занятия «неадекватно сложные». Это продолжалось неделю, а затем самый «горластый» Руслан исчез, его комната опустела. После этого оставшихся студентов третьего курса собрали в актовом зале. На сцену поднялся начальник учебной части Андрей Андреевич Смирнов, невысокий полноватый мужчина лет пятидесяти. На лбу и под глазами залегли глубокие морщины, на висках заметно блестела седина. Лиля слышала, что он вел курс усложненных боевых знаков и был очень строгим. Мужчина оглядел присутствующих и сухо проговорил:

— Любой волен уйти, когда захочет. Напомню только: каждый подписывал контракт, после расторжения которого знания об «Оке», аддиктах — все, что осело в голове, сотрется. Часто это затрагивает и другие воспоминания. Для некоторых — не такая страшная утрата. Но советую подумать как следует и решить: готовы ли вы работать? Если нет, лучше уйти сейчас, чем страдать, а потом стереть из памяти четыре года жизни. На этом все. Возвращайтесь к учебе. Желающих уйти жду в своем кабинете.

После речи студенты притихли. Лиля же восприняла слова Андрея Андреевича как «пугалку», чтобы ребята собрались. В конце концов, она сама доказала, что изучать знаки хоть и сложно, но вполне возможно. Уж если «глупая школьница» смогла, то остальные... Но краем глаза девушка заметила, что Марк с Сашей поднялись и направились за Смирновым. Лиля не понимала, почему они это сделали, и среагировала, как испуганный ребенок, который отчаянно скрывает страх.

— Вот тряпки. Ну и правильно, настоящие оперативники никогда не сдаются. А мы стойкие, да, Вик? Вика?

— Прости, Цветочек, — проговорила она и пошла к выходу из зала.

— Вик! Постой! Ты куда? Цветочек, чего расселась, она просто психует, — Катя поспешила за подругой, а Лиля так и осталась сидеть в кресле. За дверь вышла не просто однокурсница, а человек, который всегда заботился о ней. Лиля хотела было вскочить, побежать за Катей, но в ушах зазвучали слова Сереброва. А что, если... так будет лучше? Неизведанные, сложные эмоции смешались в душе девушки. Она судорожно вцепилась в подлокотник, сползла на край сиденья. Как так? Из Вики получился бы прекрасный оперативник, наверное, она же так хотела... вот и Катя готова помочь. Но правильно ли это? Неужели знал, что все так произойдет? *Нелепость какая*.

Лиле начало казаться, что она попала в странную чужую игру, где едва она приспособливалась к правилам, как все переворачивалось с ног на голову. А Серебров, словно таинственный мастер, появлялся из ниоткуда и подкидывал подсказки, чтобы она окончательно не сбиться с пути.

Пугающий образ, от которого Лиля поспешила закрыться.

Вика не ушла, а перевелась на архивное отделение, но, так как учебный корпус и общежитие аналитиков находились в другом районе, девушке пришлось переехать. Катя тоже стала холоднее и отстранилась, словно большую часть времени думала о чем-то своем. Даже умудрилась перерасходовать силы, создавая защитную сферу, и проспала почти сутки в медчасти. Лиля тогда не на шутку испугалась, что и она уйдет, но все обошлось. Катя осталась, но дружили они уже не так, как прежде. Закончились вечерние посиделки, и Лиле не оставалось ничего, кроме как погрузиться в учебу. Четыре группы третьего курса объединили в одну, состоявшую всего из десяти человек. Жизнь вошла в новое русло, от прежнего студенческого веселья не осталось и следа.

Но самой важной стала третья встреча с Серебровым. По спине девушки до сих пор пробегали мурашки, когда она вспоминала день последнего экзамена. Они с Катей сидели на

ступеньках перед входом, наслаждаясь летним солнцем. Остальные уже ушли праздновать, а подруги предпочли тишину сумерек. Вроде бы и счастливые, что экзамены позади, но измотанные, молчаливые. Будущее казалось смутным, как небо над головой: вроде чистое, но на горизонте уже стущались тучи. Девушки гадали, как это – приходить каждый день в отдел, носить форму, выслеживать и исцелять аддиктов? Как это, когда все по-настоящему?

– Надо все-таки отпраздновать, – протянула Катя. – Поехали к Вике, вырвем ее из бумажного небытия и сходим куда-нибудь.

– Хорошая идея, – поддержала Лия. – Как думаешь, нас скоро распределят? Вдруг будем работать в одном отделе. Было бы здорово.

– Пожалуй.

Они неспешно шли по дороге, болтая, когда мимо промчался синий «Субару». Девушки отскочили в сторону, с удивлением провожая машину – вроде никто из педагогов на такой не ездил, а рабочие автомобили «Ока» были исключительно черными. К удивлению девушек, машина затормозила и из нее вышел Борис Серебров.

– Цветкова, далеко собралась?

– Да так, – пожала плечами девушка.

– То есть ничего серьезного?

Лия покосилась на Катю, и та покачала головой.

– Тогда поехали. У нас много дел.

– Как это «у нас»?

– Вот так. Стажер Цветкова, в машину, живо.

Девушка подчинилась. Она бросила прощальный взгляд на подругу и села на переднее сиденье.

– Пристегнись и… поздравляю с окончанием учебы, – проговорил Борис и, открыв бардачок, кинул девушке на колени розовую резиночку с «хеллоу китти».

* * *

– Вам помочь? – К Лиле подошел медбрать, тот самый молодой человек, которого врач называл Славой. – Мы уже собираемся уезжать.

Девушка молча протянула планшет.

– Спасибо, – пробормотал он, внимательно проверяя каждую строчку. – Вы не подумайте, Лилия Витальевна, просто оперативники обычно не очень знакомы со всеми этими бумагами. То подписи нет, то не в ту колонку напишут, то еще что-нибудь… А тут случай сложный. Лучше перепроверить.

– Да пожалуйста, – хмыкнула Лия, Серебров давно приучил ее все внимательно читать. Да и медбрать уж точно не мог знать: почти каждый вечер, закончив стажерскую работу, Лия мчалась к Вике, где она и Катя помогали подруге наверстывать программу. Конечно, они не очень хорошо разбирались в аналитических дисциплинах, но хотя бы могли вовремя растолкать подругу, подставить чашку кофе, а порой помогали расчерчивать и заполнять бесконечные таблицы.

– Вроде все правильно, – кивнул медбрать. – Сами и курировать будете? Хорошо. Завтра с вами свяжутся.

– Какая будет легенда?

– Как обычно, запой, сорвался, впервые, не рассчитал. Память скорректируют.

Лия не любила алкогольные легенды, но это был самый простой способ для человека осознать и принять, что с ним произошло. Бросила любимая девушка, и бедняга запил до потери пульса. Все банально.

Охотница приблизилась к Диме, хотелось запечатлеть в памяти человеческий образ. Бывший аддикт, заметив Лилю, проговорил:

– А я вас помню. Имя… красивое, как цветок.

– Лиля, Лиля.

– Дима, – хрипло проговорил он, протягивая руку. Охотница пожала ледяную ладонь. Неприятное ощущение. Дима же слабо улыбнулся и с силой стиснул руку Лилии.

IV

Москва

9 июня, 2017 год

Екатерина Свиридова, для большинства просто Катенька, мечтала как можно быстрее выйти из машины. А все потому, что салон пропах мяты – терпкий аромат успел впитаться в кожаную куртку и длинные русые волосы. А запах мяты – это воспоминания, к сожалению, не те, от которых на душе становится легче. Хорошо, что можно заглушить волнение, переключившись на работу.

В пятничный вечер почти все места в небольшом дворе были заняты. Черная машина несколько раз обогнула детскую площадку, прежде чем нашлось место для парковки – свободный закуток как раз у торца одноподъездной башни.

Первой из автомобиля выскочила Катя, вслед за ней, но уже не спеша, водитель – женщина в строгой темной одежде. Наставница Кати.

Ее звали Алла, на вид ей было чуть больше тридцати. Черные коротко стриженные волосы оттеняли бледное лицо.

– Надеюсь, наша «клиентка» у себя, – пробормотала Катя: меньше всего ей хотелось бегать по двору и высматривать след в сумерках. Чего таить – поисковик из нее был не лучший. Вот если кого раскидать… но обычно такие методы не требовались. Девушка внимательно посмотрела на панельную девятиэтажку, завидуя опытным оперативникам, которым хватало одного взгляда, чтобы узнать, на месте ли аддикт. Она же видела только типовой дом с облупившейся краской. Вздохнув, Катя включила рабочий телефон, но удача явно была не на ее стороне – приложение-помощник намертво зависло.

– Вот, блин, тупая хрень, – девушка встряхнула мобильный, это не помогло. – Бесполезный кусок…

– Катенька, у вас что-нибудь показывает? – женщина подошла ближе. Она держала в руках стаканчик с напитком, от него и исходил острый запах с нотками перечной мяты. К счастью для Кати, наставница допила остатки травяного чая и выкинула стакан в ближайшую урну.

– Нет. Понятно. У меня тоже. Тогда поднимемся.

Катя не спорила. Некогда одна из лучших выпускниц, она все еще ходила в стажерах. За неполный год девушке успели дважды сменить наставника. Дурацкие неписанные правила: «стажировать сотрудника женского пола лучше всего женщине». С Цветковой так не парились, и она уже бегала со значком. Катя же успела поработать практически во всех московских отделах, пока наконец ее не перевели в южный, где и поручили Алле Швецовой.

Женщина несильно радовалась, но спорить с начальством не стала. Дело было вовсе не в Кате: Швецова с пониманием отнеслась к стажерке. Просто Алла рассчитывала уйти в отпуск и устроить с мужем долгожданный медовый месяц. Теперь же отдыkh не светил до января. Так что наставница не проявляла ни малейшей заинтересованности в работе.

Почти весь день прошел тихо. Ближе к концу дежурства Алла, уже не стесняясь, лазила в интернете, вслух мечтала о том, что приготовит на ужин и чем можно заняться в выходные, а Катя только кивала, откровенно скучая. Когда в дверях появилась аналитик Виктория, бывшая

однокурсница Кати, наставница решила, что девушка зашла выпить чаю. Но в руках у Вики была тонкая папка.

Задание было простое: зеленый уровень. Девушка, аддикт, тип «Л». Между собой охотники называли таких «нимфами», так как обычно это были юные красотки, подпитывавшиеся исключительно за счет мужчин. В запущенных случаях нимфы начинали управлять своими жертвами, что, мягко говоря, затрудняло работу оперативника. Но раз речь шла о «зеленке», то их ждал, скорее всего, подъезд, исписанный любовными посланиями.

Алла нехотя посмотрела на папку, посетовала, что некому передать, и неспешно засобиралась. Катя же чуть не прыгала от радости: из-за катафазии с наставниками у нее до сих пор не набралось и двадцати дел.

Охотницы зашли в подъезд – на светлых стенах не было ни одной надписи. Неисправными оказались только двери лифта, открывшиеся с противным скрежетом. Женщины вышли на последнем этаже, но и здесь никаких нелепых стишков и сердечек, пронзенных кривыми стрелами.

– Надо проверить, – Алла зажмурилась, переключаясь на зрение охотника – глаза замерзали. Женщина обвела взглядом лестничную площадку и вдруг покачнулась, прижимая руку ко рту. Катя настороженно прищурилась: неужели со второй наставницей придется расстаться? Да еще по той же причине, что и с предыдущей?

– Вы в порядке?

– Да, да… дистония, – женщина оперлась о стену, переводя дыхание. – Видимо, сегодня давление… такой холод летом, неудивительно. Посмотрите, пожалуйста, след.

Стажерка кивнула. Даже в серых тонах подъезд казался ярким: почти все следы белые – прямо дом «высокой культуры быта». Какие-то чуть светлее, какие-то едва читались. Закончив осматривать лестницу, Катя подошла к двери квартиры.

А ведь совсем новая, даже наклейку с логотипом фирмы не сняли.

– Мы правильно приехали? – нахмурилась девушка, касаясь ручки двери. – Чище только у монаха в келье.

– Ничего не знаю, – пожала плечами Алла, – адрес верный. Может, опять накосячили аналитики? Уже надоело…

Алла не успела закончить мысль – громко хлопнула металлическая входная дверь, по подъезду эхом раздались громкие шаги, и почти сразу пришел в движение лифт. Охотницы выпрямились, инстинктивно чувствуя, что «гости» спешат на их этаж.

– Что… – начала было Катя, но Алла жестом остановила ее.

Из лифта на площадку вышли двое охотников. Оба мужчины были одеты в черные пальто, похожие на кителы. Охотники из особого отдела – спецы. Катя еще никогда не приходилось с ними сталкиваться. Она мало что знала о закрытом отделе, обросшем таким количеством слухов и баек, что сложно было отличить правду от фантазий. Только три вещи Катя знала точно: туда набирали «матерых» оперативников, после отбора проводили дополнительное обучение и они занимались самыми сложными делами.

Первый мужчина вполне подходил под сложившийся образ спец – ему было около пятидесяти, хмурый, с резкими чертами лица. Но вот второй…

Он же был едва ли старше Кати! Впрочем, молодой спец выглядел серьезным и сосредоточенным. Под глазами залегли темные круги, как у человека, который сутки не спал, и…

Черт… что у него с волосами?

Довольно короткие и белые, темнеющие к вискам. Сначала Катя решила, что парень выкрасил их по «хип-стерской» моде или вроде того, но затем поняла…

Седые!

Старший вздохнул с облегчением и пробормотал: «Успели».

– Иван Зорин, сотрудник специального отдела, – представился он, демонстрируя значок. – Прошу отойти от двери.

Катя отпрыгнула в сторону. Со стороны лестницы нарастал шум шагов, и вслед за оперативниками на площадку поднялась бригада клиперов: пять человек в черных комбинезонах. Кто-то с объемными сумками в руках, у кого-то не менее увесистый рюкзак за спиной. Первым шел крепкий мужчина, средних лет. Он молча подошел к двери, с легкостью вскрыл замок, и бригада, вместе с молодым спецом скрылась в квартире.

Наставница, спохватившись, представилась:

– Старший оперативник Швецова Алла Леонидовна и стажерка Екатерина Свиридова. Мы здесь на задании. Аддикт, ним... – женщина спохватилась: – Луксур.

– Можно посмотреть документы по делу? – формальная вежливость, Зорин прекрасно знал, что простые охотники не имеют права отказать. Алла побледнела – документы в машине. Катя шагнула вперед:

– Простите, оставила в бардачке. Сейчас принесу.

– Поскорее, пожалуйста.

Алла шепнула «спасибо», сунула девушке ключи от машины, и Катя поспешила к лифту.

Вот так, минус еще одно задание. Это уже даже не смешно. Это же просто «зеленка»! Что здесь делают спецы с целой бригадой чистильщиков? Квартира же в идеальном порядке, ну, с точки зрения аддикции.

На первом этаже лифт опять противно заскрежетал и открылся ровно наполовину. Катя попыталась раздвинуть дверцы – механизм поддавался с трудом.

Такой чистый дом, что же никто не догадался вызвать лифтеров? Ну давай же...

Катя опустила взгляд и вдруг заметила, что створке что-то мешает. Кусочек металла прочно застрял в щели между дверцей и кабиной. Нахмутившись, девушка подняла руку и создала знак – железяка пулей вылетела из щели, стукнувшись о стенку лифта, упала на пол с тихим металлическим звоном. Катя подняла и рассмотрела находку. Интересно, кто ее умудрился туда засунуть? Искореженная монета? Нет. Кусок, отломанный от чего-то... И странный сплав, в измятом металле угадывались глубокие полоски. Может, это было чеканкой? Девушка перешла на зрение охотницы – цвет необычный, но, как ни старалась, она не могла его описать.

Надо будет спросить.

Катя закинула находку в карман и побежала к машине.

Когда она вернулась, Зорин что-то назидательно вещал Алле, но та почти не слушала, лишь рассеянно кивала. Женщине явно стало хуже, даже кожа приобрела зеленоватый оттенок.

– Спасибо, – Зорин забрал документы. – Только что пришла новая информация, нам понадобится помощь.

Катя приосанилась: может, и неплохо, что пришли спецы? Вот она, возможность заняться чем-то стоящим!

– Вторая дежурная бригада выехала на вызов, пока ждем замену, но не хочется терять времени. В квартире недавно закончили ремонт. Нам повезло, у местной обслуживающей конторы проблемы, мусор вчера и сегодня не вывозили. Нужно проверить камеру мусоросборника. Искать необходимо все, что могли выкинуть во время срочного ремонта: испачканные обрывки одежды, тряпки. Все, на чем есть хотя бы слабый отпечаток ауры...

– К... копаться в мусоре? – тихо проговорила Алла. Женщина отвернулась, и ее стошило.

– У нее... дистония, нездоровится, – Катя осторожно коснулась спины наставницы и встала между ней и Зориным. – Я отведу ее в машину.

Как только Катя вернулась к квартире, женщина-клинер выдала ей экипировку: просторный черный комбинезон, перчатки и респиратор. Катя спустилась на первый этаж, вышла из подъезда и вскрыла дверь, ведущую в мусоросборник.

Кате действительно пришлось перебирать мусор: старые тряпки, очистки, обертки, фантиki, вскрывать и рассматривать содержимое некоторых пакетов.

Ничего.

Девушка ворчала про себя, что работа совсем не для оперативника. Аналитикам все эти следы искать как нечего делать. Вот их и берут в клиперы. А что Кате? В лучшем случае скажут спасибо, да и задание теперь не засчитывают.

И чего Вика притащила дурацкую папку? Хотя она же человек подневольный, всучили – и неси оперативникам, выслушивай нытье: «фу, очередная нимфа» или «а, опять гуль, может, что серьезное есть, а это отнеси в соседний кабинет». Интересно, почему бригада, что приехала со спецами, не выходила из квартиры? Что там происходит?

Катя всеми силами пыталась игнорировать запах, просачивавшийся даже сквозь респиратор, и продолжала поиски. Хотя что она может здесь найти? Все знают, что строительные отходы выносят в уличные контейнеры, а не выкидывают в мусоропровод, рискуя забить его напрочь. Плохая тактика, когда заметаешь улики.

Алла хотела было прийти на помощь, но ее опять замутило. Катя убедила женщину вернуться в машину, поправила перчатки и продолжила «раскопки».

Прошло двадцать минут тщетных поисков, а мусорному морю не было видно конца. В сердцах Катя пнула телекинезом кучу мешков – хоть какая-то эмоциональная разрядка. Один из них, большой и по виду тяжелый, неожиданно легко подлетел вверх.

– Бинго?

Внутри оказались обрывки светлых обоев. Стажер не знала, имеет ли ценность находка, но у нее появился повод заглянуть в загадочную квартиру. Девушка поспешила на улицу, глубоко вдыхая вечерний московский воздух. Никогда она так не радовалась запахам мокрой земли и бензина.

В квартире царил настоящий хаос – Катя с трудом протиснулась в дверь. Клиперы, которые обычно наводили порядок, на этот раз сдирали свежие обои, снимали плинтуса и паркетные доски. На полу стояли сумки с непонятными приборами, блестели кристаллы, торчали проводки. Судя по голосам, доносившимся из комнат, работа кипела не только в прихожей, но и во всей квартире.

Катя с трудом пробралась к ближайшему специалисту и уточнила, где начальство. Мужчина молча указал на кухню в конце коридора. Но, прежде чем идти к спецам, Катя решила избавиться от пропахшей униформы: в тесной квартире и без того было душно, не хватало еще ароматов помойки. Стажер забилась в пустой угол и начала стаскивать комбинезон, надетый поверх обычных для охотников серой рубашки и черных брюк. Она не сразу поняла, что из своего убежища ей не только видна кухня, но и слышно каждое слово.

Мужчины изнывали от жары: они сняли кители, повесили на спинки стульев. Помещение было слишком тесным даже для двоих – открытая форточка не спасала. Старший, ослабив серый галстук, расстегнул рубашку и устало протянул:

– Леня, это просто...

Леонид, молодой спец с седыми волосами, перебил его:

– Иван Андреевич, не положено.

– Да-да, не пить, не курить, избегать сквернословия и азартных игр, – Зорин утомленно потер глаза. – Знал бы, не стал контракт подписывать. А как еще сказать? Полгода работы псу под хвост. Кто он такой? Какого он полез за ней?

– Там все чисто. Его проверили. Оперативник. Хотел излечить аддикта, – пробормотал Леонид и закашлялся. Он закинул в рот таблетку, вернулся к бумагам и хрипло продолжил: – У нас очень ответственные работники на юге работают. Что ж его никто не остановил? За девицей следили, а тут рты разинули – и все. Меня больше беспокоят вот такие совпадения.

– Да он как черт из табакерки. Ты лучше скажи, что думаешь?

– Инфильтрация.

– Опять, – Зорин поднялся, сложил руки за спиной и начал мерить шагами кухню. Голос звучал раздраженно. – Бога ради, ты только к начальству с такими идеями не ходи.

– Уже, – отрезал Леонид.

– И?

– Пока не совсем убедительно. Но мы же над этим работаем, верно? – Леонид внимательно посмотрел на напарника. – У девушки все воспоминания исправлены?

– Врачи говорят, что да. Качественно сделал, сукин сын. На совесть. Я не могу, ведь просто шла по улице… – Зорин резко повернулся и уставился на Катеньку. – Нашли?

Катя вздрогнула, бросила на пол комбинезон и молча поставила перед оперативником найденный пакет.

– Что-то еще есть?

Стажер пожала плечами:

– Не думаю, но хорошо, если бы ваши прошлись. Я не уверена, что это вообще можно считать уликой.

– Леонид Игнатьевич, – на кухню заглянул бригадир. – Кажется…

Вдруг что-то щелкнуло, будто выбило пробки в щитке. Квартира погрузилась в полумрак – исправно работающие лампочки светили тускло, едва освещая пространство вокруг себя. Тени углубились, расползлись, а вместе с ними – холод. Панельная девушка стала теснее, воздух застыл, дохнуло плесенью. На поверхностях проявился белесый налет, будто изморозь. Изо рта охотников вырывались клубы пара.

Что происходит? Почему так холодно?

Стажер бросила взгляд на пакет с обоями – на белой бумаге растекались чернилами бурье пятна.

– Что вы… – Зорин рванул из кухни, Леонид также вскочил, но вместо того, чтобы поспешить в ближайшую комнату, он крепко схватил Катю за локоть.

– Покиньте квартиру, – потребовал спец и сам потащил девушку к двери.

Холод проникал под рубашку. Тонкий налет превращался в ледяную корку. На обоях, которые не успели содрать со стены, пропадали багровые смазанные отпечатки человеческих ладоней. Свежая штукатурка посыпалась пылью, обнажая наспех замазанные глубокие царинки в бетоне.

Спец дернулся обледеневшую ручку двери, но тут что-то громко хлопнуло над его головой. Мужчина резко отпустил Катю, развернулся и занес руку, готовый атаковать, – на пальцах заблестели искры.

Секунду спустя разом взорвались остальные лампы, треснули плафоны, стекла и зеркала.

Холод исчез, мрак взвился еле заметной дымкой и пропал, вместе с ним растворились и отпечатки. Из логова лавкрафтовых монстров квартира превратилась в обычную девушку в панельном доме.

– Нет, – пробормотал Леонид, ошарашенно озираясь. – Влад, что вы творите?!

– Я исправляю, – отрезал бригадир. Несмотря на спокойный голос, клинер лихорадочно перебирал настройки на неизвестном приборе.

Леонид распахнул дверь, выставил Катю на лестничную площадку, схватил за руку, крепко сжимая ладонь.

– Все, что здесь происходило, не подлежит разглашению.

Кожу зашипело, Катя поморщилась.

Леонид же выглядел сосредоточенным и… разочарованным. Охотников, конечно, сложно читать, спецов и подавно, но девушка готова была поклясться: мужчина расстроился, что аномалия исчезла.

— До свидания, — спец отпустил руку девушки: около большого пальца появилась круглая печать с абстрактным рисунком.

Спец не успел закрыть дверь, как из лифта выскочил еще один мужчина в черном кителе.

— Седов, — он взмахнул папкой и поспешил к квартире, оттесняя Катю, — ты посмотри на это. От врачей. В Садовниках мори нашли...

— Сколько жертв? — настороженно уточнил спец, в глазах появилось неподдельное любопытство. Леонид пропустил коллегу.

— В том-то и дело, что ни одной! Ты только почитай...

Это все, что успела услышать Катя, прежде чем захлопнулась дверь.

V

Москва

10 июня, 2017 год

Южный отдел «Ока» располагался в старом административном здании. Бежевый дом, построенный в форме буквы «П», находился в конце тихой улочки. Мало кто мог с первого раза найти нужный адрес: с Шипиловского проезда уходила асфальтированная дорога без разметки. Казалось, что она ведет прямиком в лес. Если сюда и забредал случайный прохожий, то довольно скоро утыкался в высокий бетонный забор с колючей проволокой. Обычно такой неприветливый вид отпугивал незваных гостей, но даже если кто и шел дальше, вдоль глухой стены, то через пятьсот метров находили только ворота КПП и крайне вежливых охранников, просивших удалиться.

Первые два этажа занимал архив и кабинеты архивариусов. На третьем и четвертом расположился оперативный отдел, на пятом — администрация. Лиля никогда не была в подвале, но там, говорят, были залы для важных собраний и складские помещения. Четыре года назад в здании едва хватало места, но после того, как в Новой Москве создали свой отдел и отдали под его ведение Юго-Западный и Западный округа, южное подразделение опустело. Если днем в коридорах и кабинетах толпился народ, то ночью оставалось не больше десяти оперативников и аналитиков во главе с дежурным администратором.

Лиля приехала на работу раньше положенного: еще не все «ночные» оперативники разошлись. Переодевшись, охотница выключила телефон и пошла к кабинету начальника.

Орлов Сергей Игоревич больше двадцати лет работал оперативником — начинал в девяностых здесь же, на юге, после успел поработать в центральном отделе, ездил в другие города, и вот пару лет назад его попросили вернуться в родные пенаты. Уже в качестве руководителя. Но охотник никак не мог отделаться от старых привычек: он до сих пор ходил в черной кожаной куртке, сам выезжал на особо сложные задания. Не все понимали подобное поведение — у главы оперативного отдела обычно и без этого хватало работы, но Сергей Игоревич был убежденным трудоголиком и искренне считал: единственный способ все досконально знать о жизни своих подчиненных — это «вариться» с ними в одном «кotle».

Похоже, вчера его метод дал сбой.

Судя по доносившимся из-за двери голосам, Игорич был не в духе, а ведь он был не из тех руководителей, что предпочитали первым делом выпить чашечку кофе и на кого-нибудь наорать.

Значит, все действительно было серьезно. Лиля вдохнула поглубже, робко постучалась и приоткрыла дверь.

— ...Это уже ни в какие ворота, — начальник сидел за рабочим столом, а перед ним — даже со спины Лиля узнала эту ровную осанку и чуть взъерошенные короткие темные волосы — Серебров! — Сначала Швецова, потом Чонаев. Что у вас вчера происходило?! И ладно — они, но

ты! Поверить не могу! Тебе одного раза было мало? – начальник заметил девушку, нахмурился и гаркнул: – Цветкова, жди!

Лиля захлопнула дверь и прижалась к стене. Напарнику уже доставалось, значит, скоро и до нее дойдет очередь. Игорич сожрет, заживо. Охотница уже видела перед собой лицо начальника с крючковатым носом, густыми сдвинутыми бровями. Настоящий коршун. Вообще Сергей Игоревич ей нравился – в меру суровый, но справедливый. Лиля была уверена, что в целом к девушкам в «Оке» относились чуть строже, чтобы не расслаблялись, – не очень честно, но не поспоришь.

Борис вышел только через пять минут, глубоко вдохнул, зажмутившись, и сказал:

– Цветкова… в первый и последний раз. Идем.

– А как же…

– Никак. Там все равно какая-то… хрень с главным отделом. Игоричу не до тебя.

Охотнице оставалось только плестись за Борисом к лифту, гадая, соврал ли Серебров?
Взял вину на себя?

– А мы куда? – спросила Лиля, когда охотник нажал в лифте на кнопку первого этажа.

– Я выпью кофе, а потом мы с тобой очень серьезно поговорим.

– Я…

– Не сейчас, – Борис выдохнул. – Я не хочу, чтобы с тобой было, как с Балером.

Лиля с интересом посмотрела на напарника – тот в последнее время стал часто упоминать это странное имя – Валер. Похоже на прозвище или вроде того. Охотники работали в разные смены, так что Лиля даже ни разу его не видела. Все, что она точно знала, так это то, что раньше Валер работал в спецотделе, а затем решил вернуться на прежнюю службу. И никто не мог сказать почему. *Вернее, никто, кроме Бориса Сереброва.*

Но откуда он знает?

– А что было с Балером? – тихо спросила Лиля, но напарник не успел ответить. Двери лифта открылись и напарник молча вышел. Младшему оперативнику Цветковой оставалось лишь плестись следом.

Кухня была просторной, с высоким потолком и светлыми стенами, но из-за того, что окна выходили во внутренний двор, здесь всегда царил прохладный полумрак. Из-за густых зарослей сирени лучи солнца почти не проникали в помещение. Самое дальнее окно было открыто. Именно это место облюбовал один из сотрудников. Молодой мужчина со взъерошенными светлыми волосами устроился на подоконнике, облокотившись на откос. Архивистам полагалось носить черно-серые костюмы, но, похоже, парень отчаянно «бунтовал»: очки в ярко-красной толстой оправе, на ногах – вместо положенных черных ботинок – алые кеды. Архивист подтащил к окну несколько столов и стульев, куда сложил увесистые папки. Лиля не была уверена, но, кажется, сейчас было время ревизии – архивариусы перебирали старые дела и отправляли в центральное хранилище. Значит, в архиве творился настоящий хаос. Тогда неудивительно, что парень сбежал работать на кухню.

Секунду, а ведь именно это и был тот самый новенький, что принес вчера задание Игоричу! Как же его звали? Артем? Артур? Да, кажется, так.

И он был не один – на кухне были еще двое оперативников.

– Что-то рано сегодня аншлаг, – пробормотала Лиля, посмотрев на часы – еще десяти не было. Обычно народ стягивался на кухню ближе к полудню, когда привозили обед.

За столиком напротив входа сидели двое коллег: девушка с длинными волосами, заплетенными в косу, и черноволосый мужчина. Катя и Кир. Лиля была рада увидеть знакомые лица, но тут же спрятала улыбку: насупившаяся Катя закуталась в куртку, но при этом держала в руках объемный стаканчик шоколадного мороженого. Охотница сразу почуяла неладное – подруга рьяно следила за фигурой и на сладости в таком объеме срываилась, только когда происходило что-то действительно нехорошее. Катя поглощала мороженое, тихо жалуясь Киру.

Охотник, впрочем, тоже выглядел не лучшим образом: синяк на скуле, правая рука в гипсе и на марлевой перевязи. Что он вообще тут делал? Кир дежурил прошлой ночью и по идее должен был отсыпаться дома... Ну или, судя по его виду, «зализывать раны» в медблоке.

– Утро, – хором выдали охотники.

– Доброе, – кивнул Борис, бросив заинтересованный взгляд, но больше ничего не сказал и пошел к кофемашине. Лилю же одолевало любопытство, и она подсела к коллегам.

– А что это у вас за стихийное собрание?

– Если кратко, – отозвался Кир, откинувшись на стуле, – трыйндец. Я, по ходу, дебил, а Катеньку кто-то проклял. У тебя нет знакомого экстрасенса, ну, или Гудвина?

– Странные знакомства – это по твоей части, – усмехнулась Лиля. Она знала Кира еще со времен учебы. На третьем курсе охотник частенько приезжал на практические занятия, он дружил с тогдашними выпускниками и до сих пор любил рассказывать совершенно безумные истории о временах учебы. Впрочем, Цветковой с подругами было чем ответить на байки.

Кир всегда был приветливым и относился к той категории людей, которые быстро перешедили на «ты» и легко могли развести на душевный разговор кого угодно. Если парень не врал, то до того, как попасть в «Око», смог уболтать гопника, пытавшегося «продать ему кирпич» в подворотне. Никто не удивлялся, что охотник был в курсе почти всех последних событий и сплетен. Правда, и сам Кир не всегда следил за языком.

– Так что случилось? На вас тоже наорали? – тихо уточнила Лиля. Катя взяла в зубы ложку и молча показала подруге странный рисунок на руке. Сперва охотница подумала, что это что-то вроде тех модных переводных тату, с которыми недавно бегали все кому не лень, но руку поднял и Кир – такой же абстрактный рисунок около большого пальца.

– Это что? – нахмурилась Лиля: знакомый символ, но явно не то, с чем сталкиваешься каждый день.

– Родимое пятно, – усмехнулся Кир. – Катенька – моя давно потерянная сестра. Видишь семейное сходство?

– Цветкова, это печать запрета, небольшая, правда, – пояснил Серебров, сев за стол, и продолжил, внимательно рассматривая рисунок: – Она блокирует информацию, не дает анализировать и переосмыслять. Заодно разбалтывать, – он бросил красноречивый взгляд на Кира. – Такую печать обычно ставят на важных свидетелей. Если ее не снять, то она сама стирается через год или около того, когда человек и думать забудет о происшествии. Перешли дорогу спецотделу?

– Ну, – замялся Кир. – Я даже не подозревал, что делаю что-то не так.

– Тебе спецы руку сломали? – Лиля округлила глаза: она уже много успела наслушаться об особом отделе, от каждой истории волосы вставали дыбом, но это было бы чересчур.

– Это? О, нет, конечно, – Кир громко рассмеялся. – Фигня. Просто трещина. В меня джип впечатался, ну, не в меня лично, а в мою машину. Цветкова, только не делай такие глаза, все было не так страшно. Живой, здоровый. Сам вылез. Даже рука по первости просто немного ныла, будто потянул или ушиб. Не думал, что в гипс упакуют.

– Как так получилось? – несмотря на его пренебрежительный тон, Лиля все еще с ужасом смотрела на коллегу.

– Ну, это, похоже, была моя вина... как-то было сумбурно... рванул на красный, это оказалось хреновой идеей.

– А зачем ты поехал на красный?

В ответ мужчина только пожал плечами. Печать не позволяла объяснить, что произошло: в памяти остались только неясные воспоминания, образы, которые он едва мог собрать вместе.

– Гнался за кем-то. И тогда этоказалось важным. Вроде бы. А еще на ладони порез, но неглубокий, будто... – Кир таинственно замолк, показывая перебинтованную ладонь той руки, что была в гипсе. Борис скептично поднял бровь:

– Применил «Сангвию»? Ты б сейчас помирал тогда.

– «Сангвия»? Подожди, это случайно не старый способ исцеления? Где нужно расфигачить руку и исцелять собственной кровью? – Катя поежилась. – Отвратительная практика. Хорошо, что ее запретили, когда создали мел. И хочешь сказать, что ты так умеешь? Это вроде только спецов обучаю, на всякий пожарный...

– Ой, я тебя умоляю. Делов-то. Вон, даже Цветкова может...

– Не может, – отрезал Борис.

– Почему это? – удивилась Лилия.

– Потому что я самолично оторву тебе голову. Применять метод «Сангвия» все равно что жрать землю. Может, ничего не будет, а может, свалившись с какой-нибудь дрянью, – Борис выразительно посмотрел в сторону Лилии, всеми силами показывая, что не шутит. Девушка лишь пожала плечами – ее никогда не тянуло на подобные эксперименты.

– Да все так раньше делали, – настаивал Кир.

– Что только раньше люди не делали, – усмехнулся Серебров. – Трепанацию при мигрени, например.

– Ну ладно. В целом все равно бред какой-то получается. Ухлопал служебную машину, расфигачил руку, что-то сделал, а толком не помню что. Теперь даже знак не могу начертить нормально, и в патруль отправили на месяц. На этом все.

Вдруг по комнате разлетелся смех, ошарашенные оперативники разом повернулись к Артуру. Тот отложил папку, снял наушники и спросил как ни в чем не бывало:

– Что-то случилось?

– Ржешь не вовремя. Я тут трагическую историю своей жизни рассказываю, – ответил Кир. Артур пожал плечами, вернулся к документам.

– Так, а что с тобой? – спросил Серебров, словно ожидал, что Катя расскажет чуть больше, но она только пожала плечами.

– Приехали на задание, пришли спецы и выгнали нас, вот и вся история. Похоже, тоже успела что-то увидеть, раз поставили эту штуку, но в отличие от Кира помню только, как вошли с Аллой в подъезд, а потом «монтаж», – девушка жестом показала ножницы, – и мы едем назад. Где-то час жизни будто стерли.

– Ты из-за этого так расстраиваешься? – Лилия осторожно коснулась ее локтя.

– Нет, конечно, – Катя зачерпнула последнюю ложку и поставила стаканчик на стол. – Просто я опять сама по себе.

– Что, Швецова уходит? – Лилия придвигнулась чуть ближе. – Уже назначили кого-то?

– Катенька, а хочешь со мной работать? Мы же с тобой почти одной крови, – Кир также придвигнулся, копируя Цветкову, но тут рядом кто-то нарочито громко скрипнул стулом.

– Не ведитесь, Катенька. Спорный вопрос еще, кто кого стажировать будет.

Артур небрежно кинул одну из папок на стол, та отлетела практически в руки к Лиле.

– Ты чего слез со своего насеста? – недовольно буркнул Кир.

– Да уж больно интересная беседа.

На секунду Лиле показалось, что воздух заискрился от напряжения. И не она одна это ощутила. Артур вел себя как слегка заносчивый умник, ничего особенного. Половина архивистов любили задирать нос, мол, оперативники только и могут, что за аддиктами гоняться, а настоящую работу для «Ока» выполняют именно аналитики.

Нужно срочно сменить тему. Охотница подняла папку: на ней не было ни имени, ни номера, никаких пометок.

– Ты над этим делом смеялся?

Писал, похоже, мужчина – немного небрежный, размашистый почерк, отчего отчет занимал больше листов, чем обычно. Но буквально с первых строк повествование увлекло охот-

ницу, и она с трудом сдерживала улыбку. Все с удивлением покосились на нее, а когда Лиля рассмеялась, волнение исчезло.

– О, это серьезно? А вы, Борис Алексеевич, меня ругали. Начало чудесное: «Федор Никодимович Пивиков родился и просуществовал большую часть своей скучной жизни в небольшой сельской деревне Захарыно, которая вошла в состав Москвы. Интересный факт: из-за проблем с бумагами сам Федор Никодимович со своим домом вошли в состав Москвы позже и под давлением соседей и родственников».

– Что? Там вот так и написано? – Катя придвигнулась, заглядывая в папку, а через секунду выхватила документ и громко зачитала:

– «При приближении оперативников к дому Федор Никодимович, восьмидесяти лет от роду, ловко выпрыгнул из окна и поспешил в сторону оврага. Мы начали преследование. В это время господин Пивиков наградил меня и стажера дюжиной нелитературных эпитетов. При необходимости полный список могу предоставить в приложении».

– Кажется, кто-то его здорово допек, пока он все это писал, – прокомментировал Кир.

– Так, ребята, это все же документ, верните, – Артур потянулся к Кате, но та впихнула папку Цветковой, и девушка выскочила из-за стола и встала на всякий случай за спиной Бориса.

– О, тут еще есть, – она прокашлялась и продолжила таким торжественно-восторженным голосом, словно вела утренник в детском саду:

– «Уже после задержания и обездвиживания мы притащили господина Пивикова в дом для проведения обряда исцеления, но в доме нас ждал не описанный в деле аддикт женского пола, не хочу обижать уважаемых работников аналитического отдела, но это нас сильно огорчило и раздосадовало, именно поэтому в первом отчете мне и пришлось использовать некорректные слова, в которых выражались мои эмоции. Тем временем сожительница...» О ужас какой! «Сожительница господина Пивикова прятала останки мужчины, пытаясь убедить нас, что это свинина. Тогда стажер...»

– Цветкова! – Борис резко прервал ее повествование и протянул руку. – Сюда.

Девушка смутилась, закрыла папку и отдала охотнику, так и не узнав, что произошло дальше. Артур же теперь сверлил взглядом охотника.

– Что, твое? – хитро прищурился Кир, но Борис холодно осадил его.

– Да, во мне умер писатель. Цветкова, не стой над душой. Сядь.

Короткая вспышка веселья сошла на нет, но Лиля была довольна – обстановка разрядилась, Катя улыбалась, а Серебров все равно всегда сидел мрачный.

– Так что с наставником? – Лиля вернулась к подруге. – Уже сказали?

– Да, какая-то... не помню, Валя? Валерия? Я ж у вас мало кого знаю, – стажер покрутила в руках стаканчик.

– Может, Валер? – подсказал Кир, прищурив глаза и хитро улыбнувшись.

– Может, – выдохнула Катя. – Главное, чтобы уж в этот раз без декрета...

К удивлению Кати, все трое мужчин, сидевших за столом, разом усмехнулись.

– Она что, такая страшная? – непонимающие нахмурилась стажер. Лиля уже хотела было объяснить, что Валер вовсе не «она», но ее опередили. За обсуждением странного отчета многолетней давности они не заметили, как на кухню вошел оперативник.

– Не переживайте, у меня таких планов нет.

Все разом подняли глаза на вошедшего. Черноволосый бородатый оперативник, одетый в черную форму, напомнил Лиле медведя. Высокий, метра два точно, здоровый, с широкими плечами, огромными руками. Охотница не могла понять, сколько же ему лет. Тридцать? Сорок? Вроде не старый. И нос с горбинкой, будто ломали. Неужели кто-то осмеливался с ним связываться? Даже агрессивные аддикты в амoke обходили бы стороной такого верзилу. Жизнь дороже.

– Будем знакомы, Екатерина. Константин Игоревич Валер, ваш новый наставник, – представился охотник и посмотрел на Катю. Лилю показалось, что подруга едва заметно вздрогнула, поджала губы и вздохнула чуть глубже обычного. Впрочем, Цветкова была солидарна – она была тоже струхнула работать с таким «дядей».

– Здравствуйте, – еле слышно поздоровалась Катя.

– Здорово! – А вот Кир подскочил с места – он смотрел на оперативника с восхищением и стремительно протянул руку. Валер едва заметно улыбнулся и ответил на пожатие, довольно тепло приветствовал Бориса и сухо – Артура.

– Мне показалось или… а, нет, – Валер пинком подогнал стул и сел за стол. Мужчина сразу узнал безымянный отчет.

– Пришел день, когда оперативники начали зачитывать вслух киреевские опусы.

– У него потрясающее чувство юмора, – Лиля не могла сдержать улыбку.

– Очень смешно – портить документы. Похоже, в Москве за это ничего не делают… – начал Артур назидательным тоном, даже поправил очки для важности, но Кир его прервал, яро защищая «автора».

– Ой, не нуди. Вот чего тебя из Петера выставили. На мозги капал. Да делают, в добровольно-принудительном порядке. Но все равно эту хрень никто не читает. Лет пять никто не трогал. Ну решил человек немного поразвлечься, что такого…

– А то, что так нельзя. Я вообще обязан сейчас доложить начальству об этом, и прилетит вашему Кирееву.

– Не прилетит, – ответил Серебров и кинул папку назад Артуру. – Неси куда хочешь.

Лиля привыкла, что голос Бориса порой звучал так, будто он вещает о конце света, и девушка без задней мысли спросила:

– Почему? Перевелся?

Над столом повисло тяжелое молчание. Лиля огляделась: все, кроме нее и Артура, почему-то опустили глаза.

– Константин Киреев умер почти два года назад, – сухо ответил Валер.

– Говорят, что он… это… – начал сбивчиво Кир и, прежде чем охотника успели остановить, проговорился: – Сам себя того… с крыши…

– Кир.

Голос Валера прозвучал негромко, но отчетливо. Лиля, которая хотела было удивиться, спросить «неужели это правда?», также замолчала, по спине пробежал холодок. Кир понял, что сболтнул лишнего, и виновато покосился на Бориса.

Цветкова же вспомнила размашистый почерк и нарочито нелепые слова в отчете. Когда она читала, то представляла этакогоечно улыбающегося раздолбая, а тут… Сердце защемило, и девушка коснулась шрамов. Но не она одна так отреагировала. Катя сжалась, спрятала руки в карманы куртки, взгляд стал пустым. Она тоже словила это тяжелое ощущение? Подруга нахмурилась и достала небольшую смятую железяку.

– Вот блин… – глаза девушки расширились. – Я же нашла ее в том доме, куда мы приезжали с Аллой.

– Дай посмотреть, – Кир забрал находку и повертел перед носом. – Слушай, на ней след есть.

– Положи, – то ли приказал, то ли попросил Борис. Как только Кир бросил кусочек металла на стол, Серебров склонился над ним, Валер и Артур также привстали. Лишь Лиля не очень понимала, что происходит, и почему все с таким трепетом отнеслись к мусору. Борис снял с груди значок и положил рядом.

– Думаешь?.. – нахмурился Валер.

Мужчина пожал плечами:

– Предположил.

– И что это? – сдавленно спросила Катя.

– Ну, похоже, вы стащили вещдок, Катенька, – ответил Артур. Он оторвал кусок бумаги из дела – а на удивленные взгляды отмахнулся: все равно эти папки в итоге утилизируют – и взял железку. Мужчина снял очки и вытянул руку, рассматривая «вещдок».

– Ну да. Все так. Кусок металла, неизвестный сплав, отпечаток следа ауры, вне основного спектра. Пока сложно сказать что-то конкретное: вы, Катенька, с товарищем Чонаевым неплохо его облапали. Надо в лаборатории проверить…

Валер, ничего не говоря, забрал у Артура «вещдок», получше обернул его и кинул старежу.

– Екатерина, опишите и запечатайте вещь, укажите, кто и когда прикасался, отправьте в архив к вещественным доказательствам и передайте сведения о находке в специальный отдел.

– Но я не запомнила имен, – созналась Катя.

– Они сами разберутся, – отрезал Валер. – И живее, Екатерина.

Девушка подскочила и буквально пулей выбежала из кухни, чуть не столкнувшись на выходе с бывшей однокурсницей.

– Цветкова! Лиля! Вот ты где! – буквально с порога прокричала раскрасневшаяся Виктория. Она запыхалась, будто носилась по этажам.

– Ты чего телефон отключила?

– Что случилось? – Серебров отреагировал быстрее.

– Там спец, – переводя дыхание, пояснила Вика. Она попыталась убрать за ухо выбившуюся черную прядь, но безуспешно: из-за беготни непослушные волосы едва держались в пучке.

– Он ищет вас. Но в первую очередь Цветкову. Я все здание оббегала. Не отключай телефон, пожалуйста.

Лиля неловко вытащила мобильный из кармана, включила, и ей стало не по себе от количества пропущенных вызовов. Не меньше извещений было у Сереброва.

– Спец? – переспросил Валер. – С чего это ему сюда приезжать?

– Вы че там, с мори вчера бодались? – попытался пошутить Кир, но по тому, как замялась Лиля, все поняли, что оперативник угадал.

– Идем, – Борис чуть ли не за шкирку поднял Лилю и повел прочь из кухни, Вика поспешила за ними.

– Спец ждет в третьей переговорке. Как я поняла, он приехал, чтобы узнать подробности о вчерашнем деле. Сергей Игоревич уже пообщался…

– Спасибо, Виктория, можете идти, я прослежу, чтобы Цветкова дошла, – отрезал Борис, так что Вике осталось только попрощаться. Стоило ей скрыться, как Борис свернул на пожарную лестницу, нарочно выбирая самый длинный путь, и начал инструктировать напарницу:

– Запомни: первое – никогда не ври спецам. Говори все, как было, не спеши, не бросайся словами, думай.

– Но я даже не знаю, что ты рассказал Игоричу.

– Вот это вообще не важно. Так, второе – не закрывайся. Чем больше закрываешься, тем сильнее спец будет тебя пробивать, ничем хорошим это не закончится.

«Пробивать»? Она же не на допрос идет.

– Думаешь, что все будет так плохо?

– Понятия не имею. Раз спецы проверяют, что вчера произошло, то все серьезно. Думаю, основная головомойка будет у аналитиков. Разговор с нами, скорее, формальность. Главное, расскажи, как ты поняла, что трансформация не закончилась, даже если это будет сумбурный бред.

– Хорошо, – кивнула девушка. – Думаешь, они тебя тоже допросят?

– Конечно.

Когда Лиля заметила спца в коридоре, то с трудом поверила, что такой человек может работать в «ужасном и страшном» отделе. Издали мужчина показался старше из-за светлых, практически белых волос, но, приблизившись, охотница поняла, что он ровесник напарника, даже моложе. Парень показался Лиле очень симпатичным и совершенно безобидным. Этакий «мальчик на побегушках», которого отправили собирать показания, несмотря на болезнь. Лиля ни на секунду не сомневалась, что оперативник болел, это было видно по усталым глазам, болезненно светлой коже, чуть покрасневшему носу. Из-под расстегнутого кителя выглядывал шарф. Бедняга.

Ну что такой ей сделает? А столько шума и волнений.

– Седов Леонид Игнатьевич, – хрипло представился спец. – Пройдемте.

Леонид. Леня. Еще и имя такое мягкое. Девушка облегченно выдохнула, спокойно зашла в комнату и уверенно села на стул напротив мужчины.

– Как вы себя чувствуете? – первая спросила она, мило улыбнувшись, но спец не проявил теплоты.

– Это к делу не имеет отношения.

Мужчина положил на стол знакомую папку с желтой маркировкой.

– Расскажите, что произошло вчера.

Очень скоро охотница поняла, почему спецов так не любили. Усталые глаза в момент стали холодными, строгими, пронзающими насеквозд. Леонид, не мигая, «сканировал» девушку, подмечая малейшую реакцию. Голос, жест, дыхание. Живой детектор лжи.

Он быстро менял темы, так хитро заворачивал вопросы, что порой Лиля терялась. Охотница помнила слова Сереброва, что вратъ нельзя, но после двадцати минут такого общения она уже с трудом доверяла сама себе. Верно ли она увидела? Почувствовала? Может, все было не так?

И вопреки второму совету Лиля невольно закрылась – скрестила руки на груди, потом положила ногу на ногу. И, как предвещал напарник, стало хуже. Глаза мужчины заискрились и… Охотница готова была поклясться, спец видел ее насеквозд, улавливал малейшие эмоции. Казалось… *Это же бред*, но мужчина будто читал ее мысли. Каким-то чудом улавливал слова до того, как она произносила их. Лиля отшатнулась, не в силах отделаться от ощущения, словно сидит нагая перед незнакомцем.

От волнения девушка взмокла, виски сдавило. Зачем он это делает?

На лице мужчины не было ни одной эмоции. Лиля не понимала, о чем он думает, что хочет выяснить этими бесконечными вопросами?

Леонид, поняв, что перестарался, откинулся на спинку стула и отвел взгляд. Девушка разом выдохнула, навалившись на стол.

– Ваши руки, – тихо спросил мужчина. – Что с ними?

– Несчастный случай, – отрезала Лиля. Она была уверена, что в ее личном деле все подробно описали, так зачем спрашивать?

– Маскировка не лучший знак, – проговорил мужчина. – Его применяют, например, для слежки, когда нужно отвести глаза. Он поглощает очень много сил, а это может плохо повлиять на использование других знаков. Хорошо, что вы от природы энергичный человек, Лилия Витальевна, но все же…

Он слегка наклонился вперед, голос едва заметно смягчился.

– Дружеский совет: не делайте так. В конце концов, вы же сюда не жениха пришли искать, а работать. Людей спасать. И когда вы вытаскиваете аддиков из пучин отчаяния и безнадеги, поверьте, им глубоко наплевать на ваши шрамы, рубцы или родинки.

– Я поняла, – слабо отозвалась девушка.

– Вы сегодня встречаетесь с подопечным?

– Если его выпишут.

– Очень хорошо, что вы взялись его курировать. Полезная практика. С интересом ознакомлюсь с отчетом, – его глаза опять стали уставшими. – Спасибо, Лилия Витальевна, что так подробно все рассказали. Можете идти. Позовите, пожалуйста, вашего коллегу.

Лиля вышла в коридор на негнущихся ногах. Она не успела ничего сказать Сереброву, он сам зашел в кабинет, правда, на секунду задержался, поравнявшись с напарницей.

– Иди к нам. Отключи телефон и посиди одна – отдохни. Будет кто лезть – гони в шею.

Лиля хотела было шепнуть спасибо, но не успела. За Серебровым закрылась дверь.

* * *

Кабинет Сереброва и Цветковой был самым маленьким во всем здании, без единого окна. В него запихнули невероятное количество мебели: два полностью оборудованных рабочих места, полки, шкаф, ящик для документов и даже маленький продавленный диван. Наверное, это была единственная комната во всем отделе, которая удостоилась забавных прозвищ вроде «каморки под лестницей» или «Бэтпещеры». ⁴

Лиля включила настольную лампу – комнату наполнил теплый оранжевый свет, – налила чая и устроилась в кресле Сереброва. Девушка даже позволила себе снять обувь и забраться с ногами. Она покрепче сжимала чашку, подумав, что для полноты картины не хватало только пледа.

Надо будет купить какой-нибудь – отвратно-розовый с единорогами, чтобы все брезговали даже дотронуться.

Борис вернулся, закрыл дверь и рухнул на диван. Первый раз в жизни Лиля видела напарника таким уставшим.

– Как все прошло?

– Не сейчас, – безэмоционально отрезал Серебров.

Лиля захотелось хоть как-то позаботиться о напарнике. Сделать чашку чая или развлечь разговором, но лучшее, что она могла, – отвернуться и помолчать.

В дверь тихо постучали. Когда Лиля открыла, на пороге стояла Вика. Та сочувственно смотрела на подругу, а в руках была очередная папка с зеленой маркировкой.

– Это нам? – уточнила Лиля, покосившись на Бориса. Стоило ли сейчас ехать? Может, отказаться?

Вика кивнула и добавила:

– Еще вас Сергей Игоревич опять хочет увидеть.

– Будем через пять минут, – отозвался Серебров, не открывая глаз. – Цветкова, кинь дело на стол.

– Хорошо, – Лиля грустно вздохнула, не в силах отогнать навалившееся чувство вины.

VI

Москва

16 июня, 2017 год

– Еще немного, и придется добираться до метро вплавь.

Лиля наблюдала за неистовой бурей за окном: на дорогах разлились настоящие реки, ураганный ветер почти сбивал людей с ног. «Прекрасное» лето! Охотница не могла оторвать взгляда от разгула стихии, поэтому вздрогнула от тихого кашля собеседника.

⁴ Секретная база Бэтмена, персонажа комиксов издательства DC Comics.

Лиля собиралась закончить курс реабилитации, подкорректировать Диме память и уйти, но в стройный план вмешалась непогода. Гроза застала охотницу с подопечным посреди Бульварного кольца, и, чтобы спастись от ливня, они нырнули в первое попавшееся кафе, забитое такими же «везунчиками». Офисному служащему, что забежал вслед за Лией и Димой, уже не хватило места, так что он скромно встал у бара, потягивая кофе.

Лиля уже почти неделю курировала Диму и старалась заканчивать работу в отделе как можно раньше. Подопечный всегда был ей рад, конечно, все еще временами хандрил, но прислушивался к каждому слову, охотно следовал советам. Порой охотница могла просто болтать с Димой по душам, отойдя от программы терапии. Как совсем недавно она общалась с напарником.

Борис в последнее время стал мрачнее обычного. Ему не нравилось внимание спецов, комиссии и то, что уже на следующий день все знали о том, что произошло на задании. К концу недели отдел напоминал потревоженный улей. Не особо помогло заключение комиссии, что аддикт не успел полностью трансформироваться и ничего «героического» Цветкова не сделала. К самому Сереброву никто не приставал с расспросами, а вот Лиля оказалась в центре нежелательного внимания. То и дело кто-нибудь, осторожно или напрямую, пытался разузнать, что же «на самом деле» случилось. Первое время Лиля честно рассказывала, но вскоре поняла: мало кто верил в официальную версию. Все пытались узнать подробности, додумывали несуществующие детали, вроде того, что это была спецоперация и Лиля играла роль приманки. Бесконечные вопросы и домыслы очень быстро утомили охотницу, и Лиля начала избегать коллег. Если кто и спрашивал о мори, то девушка копировала напарника – безразлично пожимала плечами и говорила: «Интересно – почитайте официальный отчет. Нет доступа? Ну что поделать».

Порой казалось, что уж лучше бы она не влезала в проклятую квартиру, но затем охотница вспоминала Диму, и ей становилось стыдно. Как она могла так рассуждать, когда речь шла о человеческой жизни? Ну потрепали нервы, подумаешь, зато вот он, Дмитрий Царев, сидит перед ней, живой, улыбается.

Если бы так не получилось с Борей...

– Да, дождь жуткий, – кивнул Дима, не сводивший глаз с девушки, и осторожно коснулся ее руки.

Он уже мало напоминал того мужчину, которого приводили в себя медики. Пропала излишняя худоба, кожа приобрела нормальный оттенок. Дима чисто выбрился и коротко постригся. Правда, круги под глазами не исчезли, но они были едва заметны под стеклами очков: мужчина просто походил на невыспавшегося студента. Дима не сводил с Лили взгляда ни на минуту, на губах играла улыбка.

Врачи хорошо поработали над его памятью, парень действительно верил в запой, хоть и удивлялся – в жизни никогда не пил ничего крепче пива, а тут так сразу. Лиля Цветкова для него была персональным психологом. Благодаря внушению мужчина не задумывался, что обычно соцслужбы работают иначе, и не задавал лишних вопросов. Теперь же охотнице оставалось стереть из его памяти и все воспоминания о себе. Эффект от встреч и исцеления сохранится на долгие годы. А в том, что все прошло удачно, Лиля не сомневалась. Несмотря на постоянное меланхоличное нытье, Дима уже вернулся к прежней жизни: восстановился на работе, даже перешел с «удаленки» в офис, и наладил отношения с окружающими, завел новых друзей...

– Знаешь, что самое прекрасное в ливне? – проговорил мужчина. – Наблюдать за непогодой из теплого помещения. Хорошо, что мы сюда выбрались... как такие штуки называют?

– Дайнер, – отозвалась Лиля и покосилась на часы: пора уже заканчивать всю эту историю. К тому же напарник обещал поймать у метро и отвезти на работу.

– Слушай, может, в кино сходим? – радостно продолжил Дима. – Последний сеанс, комедия, попкорн, чипсы, что хочешь. Я угощаю.

– Прости, планы.

– Завтра? Или тебе нельзя встречаться с подопечными? Мы никому не скажем, честно. Это же не их дело, чем ты занимаешься после работы.

Лиля отвернулась, неловко замявшись, – она представляла прощание иначе, – а когда опять взглянула на Диму – опешила. На секунду его лицо с рассеянной мечтательной улыбкой исказила злобная гримаса.

В кафе стало холодно. Казалось, что ненастье с улицы переползло в помещение, сосредотачиваясь вокруг Димы. Официантки обходили столик стороной, сидевшие неподалеку люди съежились и бессознательно отодвинулись. Нервно вздрогнул даже офисный работник у барной стойки.

– Все немного сложнее. Мне нужно уехать.

– Надолго?

– Дим, тут все не так страшно. Мне просто нужно навестить... бабушку. Вернусь, и обязательно... – охотница попыталась разрядить обстановку: улыбка вышла наигранной, но Дима купился. Тяжелое ощущение рассеялось: свет горел, как и прежде, люди заговорили громче, а гроза продолжала бушевать за окном.

– Просто мне довелось такое пережить... Ты же знаешь? Сначала Аня. Взяла и бросила. Я же все для нее делал... Хотя, извини, мне не стоит говорить об этом. Но, знаешь, когда все твои друзья внезапно отворачиваются... И все из-за нее... – начал было Дима, но Лиля резко схватила его за руки, не давая погрузиться в сладостный мир страданий. Он любил понять, перебирая всех, кто его обидел. Раньше Лиля терпеливо слушала, но сейчас не выдержала. Как же надоели эти друзья, бывшие коллеги и Аня! Она уже сбилась со счета, сколько фотографий этой черноволосой девушки удалила, порвала и выбросила, чтобы мужчина перестал рефлексировать. Жаль, никто из охотников не может воздействовать на воспоминания, не тронутые стрессом, иначе она бы уже «форматнула» эту девицу, чтобы Дима жил спокойно. Хотя Лиля что-то подсказывало: свято место в Диминой голове пустым не останется.

– Мне уже надо бежать, честно, – проговорила она. – Но через парочку дней кино, попкорн – помни, ты обещал!

Держаться дружелюбной становилось сложнее.

Конечно, обманывать на прощание не очень хотелось, но теперь охотница испугалась, что вся работа пойдет насмарку. Лиля осторожно сделала взмах, пытаясь начертить в воздухе знак, но ничего не случилось. Озадаченный Дима посмотрел на нее и попытался повторить.

– Это новый способ прощаться, да? Ты позвонишь или мне самому? – уточнил он, а испуганная Лиля вскочила.

– Позвоню, – она выбежала в фойе, пока Дима не успел возразить. Встав в дверях, чтобы мужчина не видел ее, но остался в поле зрения, охотница повторила знак. Ничего не произошло. Голова закружила, ноги налились свинцом. Девушка приложила руку к виску, успокаиваясь, но перед глазами замерцали красные точки. Охотница зажмурилась, мотнула головой, но всполохи не исчезали. Прищурившись, Лиля разглядела алуую паутинку. Трясущимися руками охотница коснулась кожи – пульсирующая нить впивалась в вену на запястье, словно тончайшая игла.

Дима все еще аддикт, а Лиля – его добровольный донор. *Какая же дура, сама прибегала по первому зову, слушала нытье и ничего не заметила.*

Охотница попыталась избавиться от нити. Еще раз и еще, но связь уже окрепла. От бесплодных попыток ее отвлек телефон: Борис хотел узнать, где носит напарницу.

В голову не пришло ничего лучше, чем замаскировать нить. Девушка дрожащими руками начертила на запястье знакомый символ. Сработало. Нить буквально растворилась в воздухе. И тут же вернулось головокружение. Спец был прав, действительно, дурацкий знак, но... выбора не было.

Обязательно нужно что-нибудь придумать... чуть позже.

Охотница выбежала на улицу, не увидев, что все это время глаза офисного работника едва заметно блестели.

Лиля сразу заметила синий «Субару» в переулке возле метро и поспешила к машине. Девушка уже потянулась к ручке дверцы, как замерла в нерешительности. И что она скажет? Аддикт не излечился? И что потом? Проверка и спец с безумным взглядом?

Лиля уставилась на свое отражение в стекле: девчонка со светлыми волосами, жалкая, нас kvозь промокшая и с такой растерянностью в глазах, как у потерявшегося щенка. Какая же из нее охотница? Лиля упустила момент, когда аддикция вернулась, но... она прекрасно знала, что скажут: неопытная, еще вчера бегала в стажерах. Ей найдут оправдание, пожурят и отправят дальше возиться с «зеленками». Найдут оправдание и врачам в больнице – тогда Дима мог балансировать на грани. Так кого назначат виноватым? Того, кто ее стажировал? Конечно. Лиля уже представила, что скажут в очередной комиссии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.